

Надежда Гусева

**НЕ К НОЧИ
БУДЬ ПОМЯНУТА**

ЧАСТЬ 2

16+

Надежда Гусева

Не к ночи будь помянута. Часть 2

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Гусева Н. В.

Не к ночи будь помянута. Часть 2 / Н. В. Гусева — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Однажды случается чудо и жизнь человека начинается сначала. Но счастья это не приносит - призраки прошлого не желают отпустить, настоящее незнакомо и пугающе, будущее кажется невозможным. Она изо всех сил пытается жить заново, но это вряд ли удастся сделать в одиночку. Рядом должен быть кто-то, кто протянет руку и постарается понять. Сильному человеку приходится учиться слабости, а слабому - зажмуриться и броситься в бой. А рядом - люди, для которых древнее волшебство - всего лишь удачный коммерческий проект. Их кольцо сжимается. Удастся ли вырваться? Да и стоит ли бороться?

© Гусева Н. В., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Часть 2	6
Декабрь	6
1	6
2	10
3	14
4	17
5	20
6	22
7	26
8	29
9	32
10	33
11	36
12	40
13	43
14	46
15	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

В оформлении обложки использована фотография с <https://pixabay.com/> по лицензии CC0

Часть 2

Декабрь

1

По полу тянет сквозняком. Нужно было надеть валенки. Но в туфлях красивее. И в платье из тёмного креп-жоржета – по чёрной ткани бледно-голубые лилии и листья пронзительного салатного цвета. Как на клумбах у тёти Поли. У нас было много лилий. В лунные летние ночи они выгибали шёлковые лепестки и мягко светились в темноте, будто их sprysнули фосфором. Но неприятно пахли. Лилии всегда так пахнут, потому их и не ставят в комнатах. От них болит голова.

Холодный воздух ползёт из щелей, из высоких зарешёченных окон, от древней обитой железом, двери. Но особенно сквозит от передней стены, где среди тусклой позолоты и бронзы укоризненно и строго глядят почернелые узконосые лики бессильных святых и куда заказан вход простым смертным, и особенно женщинам.

Но не мне. Я пробираюсь за алтарь и открываю кадушку. Парит укропом, дубом и солёными огурцами. Я глотаю слюну. Мне хочется огурцов.

А ещё хочется выпить. На полу стоит ведёрная бутылка самогона с торчащей резиновой трубкой. На дне осталось порядочно. Я наклоняюсь, отковыриваю восковую затычку и пью прямо из трубки. Сначала до тошноты обжигает горло, потом по телу растекается томное банное тепло, и я согреваюсь и успокаиваюсь.

На мой зад ложатся руки. Я оборачиваюсь. Йозеф стоит сзади, дыша капустой и перегаром. Его блёклые глаза маслянисто переливаются розовым, как у больной собаки, в уголке рта висит слюна. Пьяный как сволочь.

– Мой красивый девочка.

Руки лезут под платье. Я жеманно хихикаю, сую ему в рот огурец из кадушки и пытаюсь вырваться и подняться. Йозеф теряет равновесие и, хрустя огурцом, валится на пол, увлекая меня за собой.

– Полно, Йозеф! Всё, всё! Идём же к гостям. К гостям, Йозеф, к гостям.

– Ты красивый такой, да. Поедем завтра.

– Да-да, пошли.

Руки повсюду – длинные, жадные, сжимающие до синяков. Мне с трудом удаётся от них оторваться – только потому, что он пьянее меня. А может, на него уже начала действовать отравка.

Я до сих пор не имею понятия, что за грибы собирала на болотах старуха. Листала справочники, спрашивала старожилы – те только плечами пожимали. Это точно не обычные поганки. Отравления, как такого, от них не было. Человек постепенно становился апатичным, засыпал – бесчувственный словно бревно, потом просыпался, его слегка тошнило, и всё.

В старинной чекушке ничего не осталось. Всё до капли я вылила в еду, а осадок плеснула в хлебную опару. Грибная настойка повсюду – в курином супе, в квашеной капусте, в жарком, приготовленном из последнего на деревне барана. Я добавила её в прованское масло, в тушёнку, в яблочную пастилу, в финики. Я сама всех угощала и подкладывала в тарелки.

Я несу огурцы в зал. Меня встречают ленивые возгласы, сытый хохот. В блюдо лезут руки. Идёт, шатаясь, Йозеф, обнимает меня при всех. Мне становится смешно, и я смеюсь – громко, нагло, запрокинув голову. И все смеются. Весело всем.

Я чувствую – что-то мне мешает и никак не даёт сосредоточиться. Это не Йозеф, нет. Он – не взаправду, если бы я поверила в него серьёзно, я бы во второй раз в жизни сошла с ума.

Это запах. Чем-то пахнет. Я отхожу к стене и осторожно втягиваю носом воздух, пытаюсь прочесть.

Запахи, запахи, запахи...

Жареного мяса, капусты, хлеба, мужского пота, одеколона, пьяни... душно, жирно, мутно....

Но это не то.

Вот они, другие – приторные, обволакивающие, давящие, но еле уловимые, незримо проникающие под кожу. Я едва узнаю их, так давно я их не вдыхала. Только там, далеко, где Настя в чёрном полушалке крепко держала меня за руку, где папа стоял в дверях и казался маленьким и сутулым. А за его спиной лил дождь, и вода стучала по крыше, и шумели мокрые большие берёзы.

Церковные масла и благовония. Ими за сотню лет пропитались брёвна и доски, они воспаряются, прощаясь, они курятся в тяжёлом угарном воздухе и наполняют голову спокойствием ладана и тупой беспросветностью. От них жутко как в страшном сне. Уж лучше перегар.

Чёрные окна в решётках, высокие почернелые своды, огни в высоких подсвечниках – будто старый замок в дремучем лесу. Замок разбойников. Вот они – на лавках, на столах, на полу, пьют, кричат, гогочут, поднимают стаканы. Некоторые уже спят. Вот один у самого входа – в луже собственной мочи. Вот другой – завернулся в шитую серебром хоругвь и уснул под лавкой. И ещё, ещё – лезут руками в тарелки, падают лицом в еду; давятся на полуслове собственной песней. Кто-то обвёл зал бессмысленными глазами и тихо сполз с устланной рушниками столешни. Двое застыли в обнимку со счастливыми лицами и закрытыми глазами. Маленький солдатик, кажется, зовут его Курт, всё трясёт головой и старается не спать, потому что в одной его руке кружка, в другой – кусок мяса, а в осовелых глазах лишь одна мысль – ещё не скоро он так знатно попирует, сейчас важно доест, а потом уж свалиться. Как тошно.

– Ты ничего не ешь.

– Сколько можно? Ступай, ступай.

Люди засыпают. Я жду. Мы ждём. Макарушка нервно топчется у двери – то снимает, то надевает шапку, шевелит детскими розовыми пальцами. Забелин и Парин, оба крупные, угрюмые, с каменными обросшими лицами землепашцев, убирают со столов. Зачем они убирают? Кому нужен сейчас порядок? Дядя Саша пошёл угощать. Уже в третий раз. Его долго нет.

Я жду. По ногам тянет холодом. Спите. Песен больше нет. Курт блаженно застывает с куском недоеденного мяса и открытым ртом. Йозеф роняет голову на руки и закрывает глаза.

Спите. Никто не пойдёт по моей земле. Никто из вас больше никого не убьёт.

Однажды вы взяли и убили меня. Я зажмуриваюсь и считаю до десяти.

– Ну, угостил. Всем досталось.

Дядя Саша незаметно является из тьмы, и я вздрагиваю.

– Как они?

– Спят, куда им... Пойду-ка, налью. Эдакое творим, прости Господи. Надо бы всё, что есть хорошего, вынести.

– Нет.

– Чего – "нет"? Тут, мила моя, добра-то! Сапоги хоть снять...

– Нет!

– А! Дело ваше. Вот я хоть иконки вынесу, старухам раздам.

Вместе с Забелиным и Париным он выносит иконы и ставит на запорошенный снегом двор, к стене каменной кладовой. Все святые черны, бородаты и тонкоруки – куда им помогать человеку! Они стоят странным болезненным сборищем и смотрят из-под тяжёлых век печальными смиренными глазами. А один, в коричневой прокопчённой хламиде, поднял чёрную руку и будто грозит мне из тусклого прямоугольника золочёного оклада.

Жутко, пьяно, тошно...

Я жду. Никто не поднимает головы. По двору кто-то снуёт – незаметные тени в осенней мгле.

Макарушка машет руками. Он совсем молодой, контуженый, но был сущим дурачком и до того, как его откопали из воронки.

– Макарушка, дай огня. – говорю я.

– Ой! – дёргается он тощим нескладным телом.

– Спички, говорю, давай.

Подросток насупливается и протягивает мне коробок. Дядя Саша является с ковшом керосина и брызгает на углы. Я несу из подсобки церковные книги, рву их и бросаю на пол. Старая бумага рвётся мягко, покорно, без хруста. Парин, тяжело ступая, несёт связку соломы. Мужики переговариваются осторожно и с оглядкой.

– Вот проснутся, а как – если живые?

– Да ничё уж не живые... вон, гляди-ка...`

– Ох, как-то это...

– Да враг... его хоть этак, хоть так.

– Точно ли спят?

– Дак смотри, что дрова. Ничё.

Я зажигаю спичку. Оранжевый огонёк горит ласково и маняще.

– Э, девушка, дай-ка мне. – говорит дядя Саша.

– Нет, сама.

– Не женское дело. Дай я.

– Нет!

Огонёк прописывает в воздухе мягкую дугу, падает в лужу керосина, счастливо вздыхает и разливается по полу рыжим ковром. И тут же – гудит, трещит, взвизывает, будто живое – рыжими волосами, вверх, вверх, легко... По сухому дереву, по рушникам, по одежде спящих...

– Ох ты, занялось-то! – восхищается Забелин.

Я смотрю в открытую дверь, замороженная красотой содеянного, пьяная и спокойная.

– Пошли, ребята, чего... Воронова, эй!

– Да бери её под мышку, не видишь, еле на ногах!

– Ада Юревна!

– Воронова!

– Жалет, видать... своего-то.

Я разворачиваюсь и говорю долгим слипшимся матом. Забелин ржёт басом, но отступает.

Чёрная старуха визгливо и громко молится у забора. Во тьме воет собака. Макарушка мечется туда-сюда и высоко вскрикивает.

Проём двери как врата в сияющий мир – шагнуть и слиться, расплавиться, освободиться, уйти – навсегда. Это красиво. Как же это красиво! Я смотрю и никуда не хочу уходить.

– Ааааа!

Дикий вопль вдруг вылетает из самого пекла. Я устремляю взгляд туда, где бьётся пламя – оранжевое и золотое. Взметнулись руки, кто-то идёт из огня прямо на меня.

– Ааа! Ааааа!

И я вижу Йозефа. Пламя бушует вокруг. Йозеф начинает неистово плясать на одном месте. Его крик больше не слышен за сухим нарастающим треском, но я вижу – он разевает рот и, кажется, смотрит на меня, и протягивает чёрные руки...

Дикая пляска приостанавливается. Он делает ко мне шаг.

– Нет! – ору я.

Я не верю. Этого не может быть. Я ведь проверяла! Чёрный Йозеф шагает ещё и падает лицом в пламя.

– Неет!

Ноги подкашиваются, я сажусь на землю, на притоптанный снег. Кто-то сгребает меня в охапку и тащит на плече как куль. Я поднимаю голову и вижу, как из огня поднимается одна рука, растопыривает пальцы и застывает – словно зовёт к себе.

Меня колотит, тело выгибает дугой.

– Нееет!

– На снег её, на снег. Воды дай!

– Огнище-то, чёрт! Издалека увидят, будь он неладен. Бежать надо. Машину заводи!

Они бегут. Я пытаюсь вырваться. Меня ставят на снег, но ноги не держат, и кто-то, вроде, дядя Саша, вновь хватает меня. От его ватника пахнет кислым тестом. Я закрываю глаза и снова вижу, как чёрный человек шагает из огня.

Он знает, что я сделала.

Он придёт ещё. Я не спрячусь. Никогда.

Я вновь вижу его искажённый лик и слышу пронзительный крик. И я не могу больше, не могу, не могу!

– Я не могу больше! Не хочу! Нет! Нет! Нееет!

– Воды принесите быстрее! – говорит дядя Саша внезапным женским голосом.

На меня льётся вода, я открываю рот, чуть не захлёбываюсь.

И просыпаюсь.

Сначала я ничего не поняла, только затравленно озиралась. Свет бил в глаза. Три человека стояли в комнате, и все трое испуганно и настороженно глядели на меня. Баба Геля как будто собиралась меня съесть – открыла рот – так, что видны стали все её золотые коронки. Бледная Тоня вытянула худую шею из фланелевого халата и выпучила глаза. Ришат стоял в одних трусах – в одной руке бутылка с водой, в другой почему-то телефон.

– Фу ты! – выдохнула баба Геля. – Это чё, а? Чего орёшь?

– Наверно, страшный сон приснился. – чуть слышно сказала Тоня. – Кошмар. Бывает. Вы так кричали... Хотите, я с вами посижу?

Добрая душа. Единственное существо, которое здесь называло меня на «вы». Я кивнула.

Баба Геля внимательно посмотрела на меня, покачала головой, зевнула, подхватила Ришата под ручку и удалилась.

– Не гасите свет. – сказала Тоня. – Мне тоже снятся кошмары. Я просто включаю свет, помогает. А хотите, я останусь на всю ночь?

– А как же ваш сын?

– Спит. Он ничего не боится. Странно, правда? Обычно дети боятся темноты.

Я смотрела на Тоню. Ещё очень молодая, она вела себя чрезвычайно скромно и одевалась как пенсионерка. Тоня ушла от мужа и теперь боялась его. Она вообще всего боялась – странное бледное создание, серая моль, мечтающая слиться с окружающей средой.

– Нет, вы идите. И, пожалуйста, не называйте меня на «вы», а то неловко, я ведь намного младше.

– Хорошо. – сказала Тоня и улыбнулась тонкими губами. – Это оттого, что часто не поймёшь – кто старше, кто младше. Мне вот кажется, что старше ты.

Мне стало не по себе, я завозилась под одеялом и села.

– Почему?

– Не знаю. Почему-то.

Тоня ушла. Я осталась одна и сразу погасила свет. Я знала, что теперь не усну, но при свете неправильно было просто лежать, он диктовал действие. Темнота же поглощала стремление двигаться и укутывала мысли. В темноте можно было думать о том, что никогда не приходит в голову при свете дня.

И я стала думать о том, о чём обычно думать было стыдно. Об очередной дурости. О моём побеге. А может, это и не дурость. Так надо.

Да, всё правильно. Всё слишком далеко зашло, и я забыла своё место в пространстве и времени. Как ни крути, но у меня всё-таки есть опыт и мудрость, пусть и в весьма потрёпанном виде. А значит, нужно быть сильнее. Сильнее мальчика, который слишком юн, светел и чист.

Я вытянулась под одеялом и скрестила руки на груди, как египетский фараон. Так неподвижно, с закрытыми глазами я могла спокойно пролежать несколько часов до самого утра. Даже в молодые годы это странное оцепенелое состояние иногда заменяло мне сон. Однажды Володя сказал, что когда я так лежу, то становлюсь похожей на мумию, и меня не хочется касаться. Уж не помню, сознательно или нет, но с тех пор, как он это сказал, я стала частенько замирать на краю кровати – ноги прямые, голова откинута, нос кверху, руки на груди.

Подумав про Володю, я мысленно усмехнулась. Вот ведь человек – жил со мною, спал рядом, говорил слова, смеялся, уезжал в свои командировки, а потом взял и обманул. Его не стало, и я так редко вспоминала о нём, что постепенно он стал чем-то вроде детали интерьера – висит картина, закрывает пятно на обоях, а что уж там нарисовано – не важно.

А в своей новой жизни я научилась спать по-другому – крепко, долго и раскидисто.

Я представила маленький домик Германа и вздохнула. С одной стороны, мне хотелось обратно. Домой? Нет... Нет дома, и вообще... ничего. С другой – мне и вправду стало легче.

Потому что лишь две вещи по настоящему помогают в жизни – время и расстояние. Они взаимодополняемы и прямо пропорциональны друг другу. Нужно лишь научиться правильно ими пользоваться, и тогда в самых сложных ситуациях всегда можно будет принять эти универсальные лекарства. Действуют не скоро, имеют массу побочных эффектов, зато помогают наверняка – рано или поздно.

Нет, я поступила правильно.

Жаль, что тогда я этого не понимала.

2

Я бежала по городу. Ненавидела себя. Ненавидела всю эту жизнь – неправильную, нелепую, несвоевременную. Всё было не так!

Я не хотела покоя. Под ногами бесконечно, словно крахмал в мешке, хрумкал белый снег. Мелькали фонари, рекламы, машины. Людей было немного, все они казалось одной серой массой, все на одно лицо, как куриные яйца. И я среди них – отброс, урод, мутация. То, чего не должно быть.

Я бежала всё быстрее и быстрее, потому что хотела устать. Но ноги, сердце и лёгкие не знали усталости, они были молоды и сильны. В лицо летели колючие снежинки. Сделалось жарко, и я расстегнула на бегу ворот куртки.

Потом время сместилось. Я действительно не помнила, как провела ночь, и останавливалась ли вообще. Осталось полустёртое воспоминание – в который раз зазвонил телефон, и я посмотрела на экран.

Шёл снег, звучала музыка. Я смотрела на маленькое фото. А потом музыка замолчала и экран погас. И я просто бросила телефон под ноги. А затем осмотрелась кругом.

Я стояла возле длинного забора. Слева была железнодорожная ветка, позади какой-то завод, впереди – заснеженный пустырь с торчащими стеблями бурьяна. Небо светлело. Грохоча, пронёсся поезд. За краем забора торчал огромный выступ на бетонных ногах, а на нём прямоугольное здание из стекла и алюминия – станция. Я побрела по вытоптанной в снегу тропинке. Телефон жалобно запел за моей спиной – вернись, подними. Я не обернулась. Силы наконец-то заканчивались, от этого сделалось легче.

На платформе стояли люди. Они съёжились от холода, некоторые притопывали, чтобы согреться. Возле кассы висело расписание. Я бегло просмотрела его и купила билет на электричку. Толстая укутанная кассирша зевнула и слеповато отсчитала сдачу.

И только когда я села в поезд и немного согрелась, я поняла, что дура.

Снова сделалось мучительно стыдно, захотелось завывать дурным голосом и вывалиться из проклятого поезда прямо под откос. Но вместо этого я сидела и бездумно глядела, как проносятся за окном чёрные деревья и людские жилища.

Потом я уснула и меня разбудила женщина в пуховом платке.

– Вставайте, конечная.

За окном мело. Я пошла из вагона, но позабыла сумку, вернулась, но поняла, что оставила шапку на крючке, снова вернулась и, наконец, вылезла на низкую платформу незнакомой станции.

В голове было пусто и тяжело. Думать о чём-то было лень. Я побрела к вокзалу. На здании из красного кирпича мерцала зелёная надпись. Вот куда меня занесло. Чёртова глушь. Из буфета пахло жареными пирожками, и я пошла на этот запах как крыса за волшебной дудкой.

В буфете оказалось просторно и безлюдно. Тоненькая продавщица читала книжку. Я купила пирожок с картошкой, сосиску в тесте, жареную куриную грудку и растворимый кофе – ужасный как вчерашние помои. Чтобы изгнать изо рта его вкус и запах, взяла бутылку «Жигулёвского», открыла о край стола и стала медленно попивать, растягивая время.

Девушка за прилавком не обращала на меня ни малейшего внимания. Совсем молоденькая, с выбеленным хвостиком пушистых волос на макушке, с густыми коричневыми ресницами, она вся растворилась в своей книжке и, наверное, считала себя героиней какого-то захватывающего романа. Можно было только позавидовать.

– Извини, как тебя зовут? – спросила я.

Может, такое обращение кто-то и счёл бы не очень приличным, но уж точно не молодая усталая буфетчица после ночной смены на немногочисленном вокзале в засыпанном снегом посёлке городского типа.

– Даша. – отозвалась она тонким голоском.

– А скажите, Даша, как у вас тут с работой?

– Паршиво. – девушка даже голову не подняла.

– Понятно. Ну, а как насчёт жилья? Квартиру снять, к примеру. Чтоб не очень дорого.

– Квартиру? Легко. Деньги никому не помешают.

– А так, чтобы никто вопросов лишних не задавал? – вкрадчиво спросила я.

– Проблемы? – Даша, наконец-то подняла на меня голубые обведённые коричневым карандашом глаза.

– Да, хочу пожить отдельно.

– Понимаю. – сказала Даша. – Знаю я одну тётку. К ней можно. Но это далеко, на автобусе надо ехать.

Тётку звали баба Геля. Причём, «Геля» произносилось на малоросский манер, со смягчённым звуком «г». Не понятно, почему её называли «баба», ей едва было за пятьдесят.

Баба Геля была сильной жилистой женщиной с широченной спиной и припухшими ногами. Она носила жёлтую выщипанную стрижку, золотые коронки во рту и тяжёлые золотые серьги с рубинами в ушах.

У неё имелось три ценности – крупная, по-кустодиевски красивая дочь Инна, владелица местного продуктового магазинчика, молчаливый и работающий сожитель Ришат и странное строение на краю городка – длинный приземистый старый дом, уродливый и почерневший от времени, похожий на барак для заключённых. Как и когда она его прибрала к рукам, мне было не известно, да и не интересно знать. Я просто пришла и попросилась жить. Она просто назвала плату и повела по захламлённому коридору. Мне предложили третью кровать в комнате, где уже жили две девушки. Я посмотрела на этих милых барышень и твёрдо потребовала отдельную жилплощадь.

– Будет дороже. – сказала баба Геля.

Я кивнула. Цена всё равно осталась небольшой. Через десять минут мне поставили раскладушку в закутке с маленьким окошком. Наверное, это был какой-то чулан. Здесь было тепло и не дуло из окна. Я отковыряла плинтус, отогнула край старого линолеума, запихнула туда почти все деньги и вновь навела порядок.

Так началась моя новая жизнь.

Первую неделю я жила как в тяжёлом болезненном сне, который всё повторяется и повторяется, а просыпаться не получается, да и не хочется. Одно радовало – мои обычные сны мне сниться перестали. Каждую ночь, устраиваясь на ночь на раскладушке, я закрывала глаза и напряжённо ждала. Но мысли мутнели, мозг потихоньку отключался, и я видела сны – обычные сны, радостные и печальные – о всяких бытовых мелочах, о лесах, о реке, о весне, о платьях и книгах. О том, от кого сбежала в ночную метель.

Каждое утро я просыпалась и подолгу лежала без движения, впитывая звуки всех жильцов, набитых в жилище бабы Гели, как огурцы в бочонок.

Первыми просыпались строители. Они жили ввосьмером в одной комнате и вели себя всегда тихо и деликатно. Я подозревала, что у них, как и у меня, не всё в порядке с документами, и поэтому им нужно быть тише воды, ниже травы. Тихо сновали по коридору, быстро пили чай и уходили строить свой загадочный трудоёмкий объект.

Потом шла на кухню Тоня, странная запуганная женщина, сбежавшая от мужа. Она жила с сыном через тонкую стенку от меня, и вечерами я слушала, как они делают уроки, как читают вслух, а иногда смеются, но сразу замолкают, будто считают веселье смертным грехом.

Баба Геля заявляла о своём пробуждении шумно – зевала в голос, скребла спину, хлопала дверьми и гремела посудой. У неё была своя кухонька в конце коридора, но завтракала она неизменно в общей кухне, просторной, убогой и заставленной чем попало.

Дальше не имело смысла ждать, и я вставала с постели.

Остальные просыпались значительно позже. Лохматые непутёвые Ягловы вылезали из неубранной комнаты и тщетно исследовали свой холодильник на предмет наличия еды. Оба они, и муж, и жена, на ночь глядя выпивали, а по утрам мучились похмельем. Оба были ещё молоды и нигде не работали.

Потом на кухню, кашляя, подтягивалась неприятная красная старуха. Я не знала, как её зовут, а она никогда не замечала меня. Она единственная из всех являлась собственницей своей комнаты, из-за этого у них с бабой Гелей была взаимная неприязнь.

Последними пробуждались девочки. Они были немногим старше меня. Чем они жили и на что, меня тоже совершенно не интересовало. Просто опрятные неразговорчивые девицы, одетые и причёсанные почти одинаково.

Утром мне не хотелось есть. Я одевалась и шла бродить. Первые два дня я ходила по городку без всякой системы, подмечая для себя, куда ведут улицы, где находятся магазины и куда можно пойти, чтобы побыть в одиночестве и тишине. Потом сам собой наметился маршрут. Длинная улица, застроенная скромными частными домами. Школа. Поворот. Улица вдоль железной дороги. Продуктовый магазин. Творожник или пирожок. Маленькая плитка шоколада. Коробочка сока. Улица под названием "Весенняя". Пустырь. Заброшенные садовые участки. Мост через замёрзшую речку.

Это была конечная точка. Речушка опоясывала город. Она заросла тополем и ивняком, и деревья, как занавес в театре, скрывали за собой открытое всем ветрам заснеженное поле. Мост был деревянным и находился в самом что ни на есть аварийном состоянии. Когда-то по нему проезжали машины, сейчас же даже мой бараний вес угрожал вызвать обрушение, но я стояла посредине и, как капитан за штурвал, держалась за расшатанные перила.

Отчего-то мне казалось, что тут я на своём месте. Говорят, есть на Земле такие определённые геологические точки, которые благотворно влияют на человека. Не знаю. Мне было спокойно, и всё. Тут я ни о чём не думала.

Я стояла, пока под куртку не пробирался холод, пока не застывали руки в варежках и ноги в сапогах. Потом поворачивалась и шла своей дорогой. Заброшенные садовые участки. Пустырь. Переулок, уводящий с улицы Весенней. Железная дорога. Рынок. Вокзал. Буфет.

Иногда мне везло, и я встречала Дашу. У неё всегда было то же отрешённо-простецкое выражение лица, что и в первый день. Есть такие люди – могут встретить тебя пятьсот раз, но ты при этом неизменно проскальзываешь мимо их внимания. Так, ещё одно посредственное явление природы. Всё равно что ворона мимо пролетела – вроде бы что-то произошло, а вроде и нет.

Это меня вполне устраивало, потому что я любила поесть в буфете. Кофе и чай были самыми паршивыми и отдавали старыми помоями. Зато пироги были знатными, а вторые блюда – качественными и не замысловатыми.

Я ела. Даша молчала. Я вставала и уходила. Даша не отрывалась от книжки. Красота.

Вечера были раздражающими. Вся шатия-братия собиралась на кухне и смотрела телевизор. А стена кухни, между прочим, была из фанеры и граничила с моей комнаткой! Вариантов было три – футбол, сериал или новости, но последнее выпадало редко. Я просто лежала и слушала стену. Иногда читала.

Вечером я не готовила. Это глупость – готовить только для себя. Кефир. Ряженка. Кусок сыра. Яблоки. Однажды я купила чипсы и съела целый пакет. Ничего страшного не случилось, кроме ощущения, что я облизала пригоревшую сковороду, усыпанную солью. После этого пришлось выпить целую воды и половину ночи бегать в туалет.

Наступала ночь. Я неподвижно лежала, слушая едва уловимые звуки дома. Что-то упало, кто-то завозился, кто-то налил воды и стал пить, о чём-то спросил ребёнок за стеной, и Тоня ответила «спи». Физика предписывает звукам проходить по твердым телам легче, чем по воздуху, и они проходили – по полу, по стенам, от чужих кроватей и столов по алюминиевым ножкам моей раскладушки...

В этом было странное удовольствие – вот я лежу, слушаю ночь и не двигаюсь, но в любой миг могу открыть глаза, пошевелиться и встать.

Часто я вдруг пугалась внезапно пришедшей мыслью – всё неправда, и на самом деле я – старая и немощная, лежу среди своих бредовых видений.

И на самом деле ничего не было.

Я судорожно вдыхала глоток воздуха, открывала глаза и садилась в своей постели. Ночь укутывала меня. Я была жива. Я вновь и вновь смотрела на свои руки и ноги и не могла понять – рада я или несчастна. Хорошо иметь бриллиант, но только не на необитаемом острове, где от него толку меньше, чем от булыжника.

Руки на груди, закрыться от мира, отгородиться от прошлого и будущего. И просто жить.

Мне обычно снились простые человеческие сны – самые обычные сны, радостные и печальные, о всяких бытовых мелочах, о лесах, о реке, о весне, которую я ещё не видала, и о том, от кого сбежала в ночную метель...

До тех пор, пока я не закричала среди ночи, увидав горящего Йозефа.

3

Мужчина и женщина долго и нудно выясняли отношения в спальне, полной шёлковых покрывал и занавесок. Я всё ждал – когда же они наконец займутся делом, и как это будет выглядеть с такими худосочными недоумками. Бесило, что эпизод затянулся. Тут глупый мужик кинулся говорить по телефону, выпучивая глаза от значимости разговора, а женщина начала лить слёзы.

Стало ясно, что интима не будет. Или будет, но точно не в ближайшие полчаса, а больше пилиться на этих придурков я не выдержу.

– Тупая бездарность. – проворчал я и закашлялся.

– Зато весело. – сказала мама. – Нервы успокаивает. Молока принести?

– Не надо.

– Если хочешь, переключи.

– Ты же смотришь.

– Так, как фон. Кстати, мужчина симпатичный.

– Шутишь? Да его будто в детстве веслом по фасаду огрели.

Я снова закашлялся и взял пульт в руки.

– Вынесен на рассмотрение закон о правах мигрантов. По поводу регистрации и предоставления вида на жительство...

Я переключил. Про несчастных мигрантов не хотелось. Кое у кого сейчас тоже нет вида на жительство.

– Это только кажется, что зоопарк зимой засыпает. Но если присмотреться внимательно...

Переключил.

– Разыскивается Оленюк Ирина Ивановна тысяча девятьсот восемьдесят первого года рождения. Десятого декабря ушла из дома и не вернулась. Инвалид второй группы. Страдает расстройствами памяти...

Переключил.

Не пойми, какая серия про Гарри Поттера. Бедный очкарик метался по коридорам, привычно спасаясь от смерти под загадочную музыку и отблески огней на мрачных сводах.

Мы смотрели минуты три. Мама грызла яблоко. В день она съедала штук пять, аккуратно забывая огрызки на краю журнального столика. В последнее время она была увлечена яблочной диетой, потому что в яблоках много клетчатки, и они выводят шлаки и омолаживают организм. Я бы много чего мог ей рассказать про омоложение, но её вряд ли бы устроил метод Егора Маврина.

Переключил. Про Гарика я не хотел, потому что своими чудесами был сыт по горло.

Счастливая ведущая – волосы колечками как у овцы, водрузила на стол модель женской половой системы и принялась вещать о проблемах климакса.

– Фу. – сказали хором мы с мамой.

Переключил.

– Холодный циклон приближается с севера. В ближайшие дни ожидается порывистый ветер, возможно штормовое предупреждение. Температура воздуха ночью...

Переключил.

Лунтик прыгал по полянке. Прыгал, прыгал и допрыгался – попал фиолетовыми ногами в какую-то кучу и застрял. Бабочка, одетая в платье и сапоги (сапоги, блин!) пискляво захихикала.

А потом будут говорить, что дети придурочные. Скажут – вот в наше время...

Переключил.

По бурлящей реке пересекали на лодках люди, одетые в хаки. Они ловко орудовали вёслами, что было весьма кстати – течение тут было только держись.

Мама вырвала у меня пульт.

– Господи, да оставь ты что-нибудь или выключи. Меню ведь есть.

– Раздражаю?

– Себя пожалей. Я всё равно скоро уйду.

– Темно на дворе. Куда тебя несёт?

– Схожу к подружке.

Ну-ну, к подружке. Впрочем, теперь мне было всё равно. Снова заломило в костях и скажи мне кто, что моя мать встречается с Мерлином Мэнсоном, я бы только рукой махнул.

– Гера, тебе надо полежать. Зря ты выполз.

– У меня пролежни скоро будут. На кой чёрт столько каналов? Смотреть вообще нечего. Да! Мам, за интернет заплати, скоро кончится...

Такая длинная фраза даром не прошла. Я сложился пополам и чуть не задохнулся в приступе кашля.

– Господи, Гера! Никуда не пойду.

– Мам, иди, а. Нормально всё. Посплю.

Мама взбила лёгкие кудряшки и поправила лимонный шарфик на груди.

– Ну ладно. Я не долго. Что тебе купить?

– Яду.

– Гера!

– Мама, ин-тер-нет!

Она ушла. Я послушал, как за дверью процокали каблуки, потом бросил пульт на ковёр, натянул плед до самого носа и закрыл глаза. Веки снова накалялись, суставы неприятно ломало. Так было каждый вечер, правда, вчера было лучше, чем позавчера – это даже огорчало.

Телевизор бормотал. В атлантический океан упал Боинг. Причины катастрофы не известны. В каком-то штате прогремел взрыв... организация взяла ответственность на себя... В Японии на восстановлении атомной станции... Молодёжный форум в Сочи... Посетил президент... Холодный циклон...

Господи, как всё бесит.

– Гера.

Я дёрнулся от неожиданности. Мама.

– А.

– К тебе пришли. Хорошо, что у подъезда встретились, а то у нас домофон не работает. – говорила она кому-то вбок. – Ну, теперь пошла.

Каблуки снова процокали к двери. Я продрал глаза. И увидел Егора. Он стоял посреди комнаты и заслонял головой три светильника из пяти в нашей люстре.

– Ну и вид. – сказал Егор. – Отвратный.

– И вам здрасте. – сказал я и спустил ноги с дивана.

Про мой вид мне, конечно, было плевать, но, что он у меня отвратный, это он мог бы и промолчать.

Я не брился неделю, а щетину всегда имел такую, что лучше спичками подпалить, чем отращивать. Волосы на лице росли беспорядочным клочками, причём трёх цветов, как у «счастливых» кошек – светлого, рыжего и тёмного. Это радовало только маму, как генетика. Она называла этот кошмар редким случаем проявления химерности. Я всегда подозревал, что будь у меня шесть пальцев на руке или глаза разного цвета и с вертикальными зрачками, её восторгам не было бы предела. Эта чёртова химерность поставила крест на том, что я обрету солидность в зрелые годы, обзаведясь окладистой бородой.

Из-под драной застиранной чёрной шапки жирными сосульками торчали волосы. Даже для меня, привычного, они воняли немытостью и болезнью. Шапка меня грела, в ней не так болела голова.

И на мне был мамин розовый махровый халат. Потому что все мои вещи остались дома, а то, что мама успела захватить, она сегодня постирала.

Егор внимательно разглядывал меня. Как Павлов свою собаку.

– А я думал, ты просто слинял. – сказал он наконец.

– Ну да. – сказал я. – Вот сижу тут и симулирую.

Кашель, будь он не ладен, нахлынул внезапно. Минуту я дохал, потом отпустило.

– Вот это да! – восхитился Маврин.

– Шёл бы ты отсюда. Не видишь, вирусы кишат.

Мы помолчали. «Ну-ка, фрукты, встаньте в ряд, это наш фруктовый сад!» – призывали всю приторные дрессированные дети по телевизору. Я переключил. На экране возникла фотография некрасивого толстого человека с большими губами и близко посаженными глазами.

– ...вышел из дома и не вернулся. Виктор страдает редкой формой психического заболевания и не может обходиться без посторонней помощи. Если кому что-либо известно о его местонахождении, просим...

Я протянул было руку, но Маврин сам взял пульт и переключил на музыкальный канал. Симпатичная девушка неплохо пела, но имела совершенно упоротую причёску.

– Сандра. – сказал Егор. – У меня плакат с ней был. Я тогда в классе седьмом учился. Может, тебе чаю сделать?

Я бы рассмеялся, если бы не побоялся нового приступа.

– Ты ещё апельсинов принеси. Что ж ты без апельсинов?

Новый приступ начался было, но я задержал воздух. Отпустило.

– Как твой кот? – спросил Егор.

– Спрятался, похоже. Замечательно. Весел и здоров.

– Это хорошо. А я вообще-то ругаться пришёл. Думал, ты и вправду – посмотрел, прикинул и вымыл ручки. Кинул ты меня, парень.

– Ну, извини. Садись. Куда-нибудь.

Я скомкал одеяло в угол. Егор уселся как медведь на край дивана. Я не понимал, чего он припёрся. Ведь сбросил сообщение сразу, как немного оклемался. Мог бы и позвонить. Убедиться хотел? Убедился. Но он сидел с таким видом, что пришёл надолго. Значит, поговорить... Вот, блин. Никакого покоя.

– Слушай, надо кое-что обсудить.

– Надо. – согласился я. – Тогда посиди тут, соберись с мыслями, я... – кашель придушил так, что глаза выпучились. – Я пойду что-нибудь выпью и хоть умоюсь.

На кухне я плеснул в чашку кагор, добавил немного водки и поставил в микроволновку. Пусть кто хочет мне говорит, что алкоголь с антибиотиками несовместим – я-то знал, что проклятый кашель отступит на время только таким путём. Незаметно от мамы я потихоньку уничтожал имеющийся в доме алкоголь. Вылив в горло обжигающее пойло, я крякнул, утёрся

рукавом халата и пошёл в ванную. Из зеркала выглянуло жуткое лицо с воспалёнными кроличьими глазами. Жирная кожа нехорошо бликовала. Под носом вырос ядрёный прыщ. Щетина пестрела как лишайник на пеньке. Ну не брить же ради Маврина эту красоту! Я снял шапку, пальцами пригладил липкие волосы, чисто символически умылся и пощупал, подсохли мои штаны на полотенцесушителе или нет. Не подсохли, ну и ладно. В халате тепло, а на Егора наплевать.

– Кофе будешь? – спросил я у Маврина. – Настоящий, не растворимый.

– Давай.

Я поставил турку на огонь. Голова приятно кружилась. Я уже неделю толком не ел, и даже небольшое количество алкоголя, к тому же подогретого, приятно разгоняло кровь и плавило мозги.

4

Болезнь подкралась ещё в то утро, когда нас завалило снегом. Очевидно, сложилось всё сразу – бег до остановки, долгое выстуживающее ожидание автобуса, дикий стресс с Герасимом, а потом приключения в Егоровом подвале. Ну, а потом, когда я только и мечтал о горячем чае и печке – незапертая дверь дома. И никого. Никакой записки. И бесполезно звонить.

Мне было плохо вдвойне, я не знал, что делать, и лучшее, что пришло в голову – сунуть ошалевшего кота на кухню, а самому прыгнуть в машину. И колесить, колесить, где только можно, искать, высматривать... как в прошлый раз. Я ругал себя последними словами, я рассекал снежную ночь, я гнал и гнал. А потом оказалось, что горячее на нуле. Я доехал до заправки и там, стоя с пистолетом на ветру, подумал, что, наверное, не доеду до дома.

Но доехал. И даже зметил, что небо на востоке превратилось из непроглядно тёмного в уныло серое. Было хреново. Я перерыл аптечку, но как на грех, не нашёл ни одного жаропонижающего. Тогда я напился воды и замотал голову влажным полотенцем. Я подумал, что немного посплю, оклемаюсь и возобновлю поиски.

Проснулся лишь под вечер. Полежал, подумал и решил, что вроде, полегчало. Тогда я прошлёпал на кухню и заглянул в тайник под печкой. Часть денег исчезла. Это было очень хорошо, значит, Ада хоть немного думала головой. Заглянул в шкаф. Одежда исчезла тоже, ну, по крайней мере, основная часть. Я почти успокоился. Попытался снова позвонить – бесполезно. Пошёл искать себе шерстяные носки. Нашёл на верёвке у печки Адины колготки. Аккуратно сложил их и убрал в шкаф. Потом достал обратно и положил под подушку.

За мной резво скакал кот. Он жаждал играть, а я ничем не мог ему помочь, только отвалил в миску двойную порцию корма.

Трасти начало часа через полтора. Я выпил весь чай, съел ложку мёда, врубил масляный обогреватель на полную мощность, зарылся под кучу одеял и заснул. А когда проснулся под вечер, внезапно обнаружил, что потолок стал в два раза ниже, чем был, и к тому же медленно плавился и капал длинными каплями на пол, растекаясь в лужи как на картинах Дали. А потом явился Герасим – очень крупный, размером с овчарку и встал в дверях на двух лапах, как человек. Я испуганно заморгал, а он улыбнулся до ушей. К счастью, я смекнул, что это не к добру. И сделал весьма разумную вещь – позвонил Серёге.

Как приехал Серёга, я помнил. Чертыхаясь, он раскапывал гору тряпок, чтобы достать меня и селатьть укол. Потом снова покрыл меня и одеялами, и матом, и стал названивать маме. Я был против! Серёгу для того вызвали, чтобы он поставил меня на ноги, а не сводил с ума добрых людей.

Когда все собрались и потащили меня к машине, я упёрся и заорал, чтобы мне подали кота и ноутбук, что и было незамедлительно сделано. Жаль, что не видел мамино лицо, когда она обнаружила бодрящего Герасима со всеми четырьмя ногами в наличии. Это потом я ей

вкрадчиво объяснил, что это совсем другой кот, просто очень похожий, а Герасим... ну, что Герасим... старый был до неприличия, всё ясно и понятно. Мама даже всплакнула, и сдаётся мне, всё-таки осталась в сомнении. Я и не ожидал, что она к нему так привязана.

Ну, а как причитала мама, как мы ехали в машине, я почти не помнил. Я спал. И хотел спать до сих пор.

Егор угнезвился на табурете и внимательно рассматривал наш странный стеклянный стол. Посмотреть было на что – под прозрачной столешницей были художественно разложены сушёные изыски – перцы, коренья и всякие непонятные специи явно не нашей полосы.

– Эти штуки есть нельзя. – сказал я. – Они парафином покрыты.

– Да. – сказал Егор.

Мы помолчали. Я поставил на стол блюдечко с безе. Глупо как-то. Всё-таки начальник. Может ему выпить предложить? Так ведь за рулём.

– Ты зачем пришёл? Только не говори, что соскучился. – я разлил густой ароматный напиток.

– Что уж, и навестить нельзя? А вообще... пора бы тебе на работу. Зарываюсь. Нет, конечно, всё понятно, вот выздоровеешь...

– Егор, в общем, так. Я не уверен, что буду работать у тебя. Скажу прямо – не буду.

Маврин покрутил чашку.

– Ага. Понимаю. Надо было тебе сразу сказать. Я имею в виду цену.

– Надо было. Мне это не по нутру. И уж точно я не буду никого убивать, чтобы кого-то оживлять.

– Так никто и не будет! Ты так и не понял!

– Ну-ну.

– Теперь всё по-другому. Парень, ты послушай. Мы стоим на пороге открытия. Больше никто никого не будет убивать. Я же не рассказывал... В будущем... Ты только представь себе! Начнём с сельскохозяйственных животных, а закончим – кто его знает! – может быть, растениями. Я уверен, это возможно.

Я смотрел на Маврина и не узнавал. Чёрт те что! Щёки порозовели, глазки разгорелись. Нет, я знал, конечно, что он психический, но чтоб вообразить себя гением и спасителем человечества, это, знаете ли, совсем клиника!

– Ты пойми, это же переворот! То, что раньше было страшилкой, нелогичным мифом, ты понимаешь, что это возможно?

У меня в горле опять начало першить.

– Я-то при чём тут?

– А сам напросился. Потому что ты больной! Во всех отношениях. Луговой, ты такой же, каким я был раньше. Только меня никто за ручку не вёл. Где ещё найдёшь такого ...

– ...дурака.

– Дурак дураку рознь! Всех гениев считали дураками. Мне нужен свой человек.

– Господи! Егор, ты вообще понимаешь, что мелешь? Какая миссия? Какое открытие? Ты режешь хомяков, лягушек и вообще не пойми кого! Ты преступник. Кто тебя слушать будет? И вообще – ты коттеджи строишь. Что ещё надо? Если бы у меня была строительная фирма...

Я закашлялся и отпил кофе.

– Ну! И что бы ты сделал? Ну, фирма. Ну, деньги. Дальше что?

Мне нечего было ответить, да и вопрос был чисто риторический.

– Я заключил контракт. – сказал Егор. – Если всё получится, уже через два месяца получу патент. Конечно, надо потрудиться, кое-что завуалировать, где-то причесать. Но главное, есть финансирование, есть заинтересованные люди, поддержка.

Почему-то при последних словах по спине пробежали мурашки. Я ещё немного помнил, как был котом и собакой, и сейчас было самое время поднять уши и вытянуть мордочку.

– Финансирование? Крутое?

– Круче некуда.

– А люди? Что за люди вдруг решили повестись на такую хрень?

– Нормальные люди.

Я чувствовал беспокойство и ничего не мог с этим поделать.

– Ты встречался с ними?

– Да что за допрос? Конечно!

Больше я спрашивать не стал. Какой смысл? Да и какое мне дело? Если Егор доиграется, то и поделом. Некоторое время мы молчали. У меня ломило в глазах и хотелось лечь. Егор щёлкал ногтем о ноготь – противный звук, хуже только ногтем об стекло. У него был усталый вид. И раньше был не особо цветущий, а сейчас он будто сдулся, постарел. На висках появились седые волосы. Хотя наверняка и раньше были, просто я не присматривался.

– Ладно, пойду я к твоим хомякам. – сказал я примирительно. – Хотя мне лично жуть как не нравится, что происходит. Только расскажи мне одну вещь.

– Какую?

– Почему – Ада Юрьевна? Со всеми, значит, всё было нормально, а с ней чёрт знает как?

– Вот именно. Ненормальная. С ней всё не так.

– А как надо?

– Не вдаваясь в подробности, скажу – всегда либо «да», либо «нет».

– Это как с той собакой?

– Вот именно. Третьего не дано. Человек умирает, понимаешь? Практически у каждого живого существа, даже самого старого и больного, есть стремление жить – пусть угасающее, совсем маленькое, но оно есть. А вот если его нет, то сделать ничего нельзя. Если нет стремления, жизнь отвратительна. И когда она возвращается, существо отталкивает её и сразу умирает. Потому что при этом теряет и те крупинки жизни, что ещё у него оставались.

Я слушал, открыв рот, и не перебивал.

– Ада Юрьевна – исключение. Всё так хорошо складывалось. Я случайно о ней узнал, понял, что это моё, связался с Юлией Васильевной, запудрил ей мозги. Снял квартиру, навещал, чинил, как дурак, всякие раковины и проводки. Ну всё, как положено. Мне доверили ключи. И вот он – момент истины. Это было... да, помнится, ещё в апреле, когда Юлия Васильевна в первый раз уехала. Тогда ещё дождь со снегом шёл, жуть... А она почти умирала. Я прихожу, приношу лошадиную дозу препарата. Всё идет путём, но в последний момент гаснет. Ну, думаю, что поделаешь. Земля пухом. Так нет! Она жива. А знаешь, что меня совсем добило – улыбается! Лежит себе столетняя ведьма и смеётся надо мной! Представляешь?

Я очень даже представлял. Вполне себе в её духе. Молодец, Ада. Нужно было ещё схватить его холодной рукой, да покрепче, чтобы штаны обоссал.

– Она всё прекрасно понимала, всё. Точно, ведьма. Просто вызов мне бросила. Ну что, мол, съел?

– А ты принял.

– Принял. Я пытался проделать шесть раз. Шесть! У меня голова раскалывалась. Чуть сам не помер. А ей хоть бы что.

– А не помогли мм... людские ресурсы?

– Луговой! Каких только ресурсов не было! И не надо мне делать такие ошалевшие глаза! Это не преступление, ясно? Так сложились обстоятельства и всё! Вот бывает так! В твоём мирке не бывает, а в других бывает. Сидишь тут в мамкином розовом халате!

– Ну ладно! Чё орать-то? Чего дальше-то?

– А ничего. Я плюнул и ушёл. Надоело. Клянусь, она только этого и ждала. Как назло ведь ещё, в коттедже заночевал. И что меня дёрнуло? Проснулся ни свет, ни заря и в пятом часу утра рванул обратно. Не спокойно было и всё тут! Хотел убедиться, что всё в порядке. Пришёл. Батюшки! Ты бы видел, во что она квартиру превратила.

Я-то как раз видел. До сих пор в глазах стояло.

– И главное, что недавно выскочила, занавески ещё колыхались. С балкона прыгнула. Представляешь? Метался по городу до самого вечера, как чумной. Потом оказалось, что и квартиру не запер, так три дня и простояла.

Я грустно подумал, каково ей было, когда она, ничего не понимающая, голая и голодная бродила по дому, а потом рванула в окно.

– Почему с ней так вышло? – спросил я.

Егор почесал в ежистой голове.

– Понятия не имею. Знаю только, что при жизни она, говорят, была не подарок. Вечно лезла, куда не надо. Кстати, как она на тебя-то вышла?

– Не знаю. Пришла, поела, поговорили, ушла. – честно обозначил я три с лишним месяца совместной жизни. – Странная.

Больше Егор ничего важного сказать не мог. Пора было его выпроваживать. Я хотел спать. Маврин понял. Он, вообще-то был не дурак, даром что псих.

– Ты, похоже, притомился. Заговорил я тебя.

– Есть немного.

– Давай-ка парень, решай. Выйдешь работать?

– Выйду.

А что мне ещё остаётся? Ады нет. Работы нет. Сессия под большим вопросом.

– Хороший кофе, кстати. Как насчёт апельсинов? Принести?

– Не стоит. Я от них чешусь.

Мама пришла не скоро. Она принесла на себе свежесть зимы и тонкие подтаявшие снежинки на жёлтых кудряшках и подкрашенных ресницах. Радуюсь тому, что я изъявил желание что-нибудь съесть, она готовила мне блинчики и напевала что-то легкое, опереточное.

Зазвонил телефон. Я резко схватил его, уронив на пол пару яблочных огрызков.

Неизвестный номер. Я вдохнул, выдохнул... и услышал женский голос.

Банк предлагал кредит на выгодных условиях. Вот уроды.

5

Мальчик за стеной кашлял всю ночь. Его мать то и дело проходила по коридору на кухню и обратно. Она старалась двигаться неслышно, и поэтому казалось, что за дверью шныряет непонятный меховой зверь, таскающий продукты в нору. Мне всё это не особо мешало, я всё равно не спала – лежала на спине, медленно и осторожно перебирая страницы собственной памяти. Просто стало жаль мальчика.

Часа в два ночи я накинула на плечи толстовку и решительно двинулась на кухню.

Тоня что-то грела на плите. Её плечи уныло опустились, худое лицо заострилось ещё сильнее. Я подумала, что в принципе можно понять её мужа. Все они одинаковы. Вот и ему наверняка приелось созерцать эту тень женщины, и захотелось чего-нибудь эдакого, с улыбочками, губками и грудками.

– Я тебя разбудила? – спросила Тоня. – Извини.

– Пить захотелось. – сказала я и налила воду в кружку из ещё тёплого чайника.

– Это кружка кого-то из строителей. – сказала Тоня.

– Что ж. Надеюсь, он в неё не сморкался.

Мы молчали. Даже на кухне было слышно, как ребёнок надрывно кашляет у себя в комнате.

– Может, чаю? – Тоня потянулась к шкафчику и достала коробочку с заваркой. – Вот, возьми мой.

– Нет, спасибо. На ночь вредно. Лучше так, по-белому. Что вы даёте ребёнку? Я взгляну? Не дожидаясь разрешения, я взяла со стола упаковку с таблетками и повертела лекарство в руках.

– Это серьёзные антибиотики. – сказала я. – Рано или поздно они нарушат естественную иммунную защиту организма, и ваш сын будет сваливаться с одного чужого чиха. Кроме того, насколько я понимаю, у него уже должны быть проблемы с пищеварением.

– Да, это есть. – Тоня устало вздохнула.

– Не нужно их давать. Тем более, они бесполезны.

Тоня покачала головой. Мелкая девчонка взялась играть во врача. Да уж. Можно только подивиться молчаливой вежливости этой женщины.

– Тоня. – скромно начала я. – Вы, конечно, можете посмеяться надо мной, а то и послать куда подальше. Просто выслушайте, а потом делайте что хотите. Дело не в бронхах. Вам прописали это в больнице? Так вот, ваш доктор, вполне возможно, замечательный специалист. Но даже хороший врач иногда лечит следствие, не видя причины. У мальчика, конечно, прослушиваются хрипы. Но это не инфекция.

Женщина молча стояла у плиты. Я продолжала.

– У него аллергия. В такой форме её сложно диагностировать.

– У него аллергии никогда не было. – сухо сказала Тоня.

– Может быть. Но сейчас к ней предрасполагают несколько факторов. Ваш сын становится подростком, его организм быстро растёт и начинает перестраиваться. На этом этапе сбои происходят сплошь и рядом. К тому же у мальчика стресс. Новое жилище, новая школа, неопределённость. Ну и главное. Кашляет он четвёртый день. И начало его заболевания совпало с тем, что наши уважаемые строители перешли к новому типу работ. Они занимаются отделкой и сейчас работают с цементом и клеем. Понюхайте их куртки у двери. Я не знаю, что они строят и зачем, но материалы, которые используются в их работе, довольно пахучи и наверняка токсичны.

– Плитка. – произнесла Тоня.

– Что, простите?

– Плитку кладут. Они недавно на кухне разговаривали. В райцентре строится бассейн. Для укладки кафеля используется специальный водонепроницаемый клей. Я теперь только вспомнила. Они ещё жаловались, что от него дышать нечем. Значит, аллергия... И что теперь?

– Идти к аллергологу. А лучше – съехать отсюда.

Женщина села на табурет и опустила голову. Ребёнок кашлял, но она будто не слышала. Я почувствовала её усталость и покорность судьбе. Так устают лошади, и так же молча опускают голову с потухшими добрыми глазами. Я тихо взяла Тонину чашку с горячим молоком, бросила туда кусочек сливочного масла и вышла в коридор.

В комнате горел ночник. В глаза бросались следы давнишнего бегства, нужды и слабой надежды на будущее. Чемоданы, сумки, стопки белья, отсутствие телевизора, дешёвый телефон на столе, потрёпанные учебники, поношенный и зашитый школьный рюкзак. Но тут же – блестящая как скафандр мальчишеская куртка с енотовым капюшоном, дорогой атлас мира и, что уж совсем непонятно, красивое кресло, обитое светлой кожей.

Мальчик сидел в кровати и кашлял в платок. Он был почти с меня ростом и похож на свою мать ещё меньше, чем Женя была похожа на меня.

– Выпей. – я протянула ему чашку.

– А где мама?

– Скоро придёт. Скажи-ка мне одну вещь. Как у вас с деньгами?

– А что? – мальчик оторвался от чашки и злобно посмотрел на меня.

– Так, ничего. Пей, не буду мешать.

Всё ясно. Я вошла в свою комнату, отогнула край линолеума, пошарила и вытащила несколько купюр.

Тоня всё так же сидела на кухне.

– Держите. – сказала я. – И не вздумайте ломаться.

– Прекрати сейчас же! – вдруг вскочила Тоня.

Деньги упали на пол. Я подняла.

– Антонина, не валяйте дурака. Если вам так будет легче, скажите, что отдадите когда-нибудь потом. Чуть раньше я бы тоже на вашем месте продемонстрировала ущемлённую гордость. Но, знаете, жизнь учит. Иногда надо просто взять то, что дают, и не выделяться. Все мы люди в конце концов... Тут недалеко, насколько я знаю, есть платная клиника. Вот и вперёд. А ещё... извините, конечно, но так нельзя.

– Как? – почти крикнула Тоня.

– Да вот так. – я наклонилась к самому её лицу. – Вы ведь не мышь. Вы – человек. И у вас очень красивые глаза. И волосы такого редкого цвета. Спокойной ночи.

Я аккуратно сложила купюры ей на колени и ушла в свою комнату.

6

Пора было садиться за работу. И я сел.

По болезни я пропустил порядочно, впереди была сессия. Надо было как-то организовывать собственную реабилитацию.

Но это было не главное. Главным было срочно заполнить мозг, пока я окончательно не сошёл с ума.

Потому что как только я оказывался в состоянии относительного покоя, меня принимались осаждать мысли.

Я думал про Аду. Это было самым навязчивым и неумолимым. Я представлял себе всякие ужасы, какие только могут случиться с неуравновешенным человеком, с ребёнком, с девушкой, со странным существом не от мира сего. Меня душила собственная бесполезность, а особенно то, что я понятия не имел, с чего начинать хоть какие-то действия.

Конечно, надо было её искать, но как? Даже в розыск не заявишь – нет такого человека! А страна большая!

Да и, предположим, нашёл бы я её. Что с ней делать? Она решила уйти. Если бы просто психанула, то давно позвонила бы, и хотя бы сказала, что жива и здорова. Или побродила бы, снова вляпалась в неприятности, а потом вернулась...

Если только жива.

Тревога и неизвестность изводили, я был готов чем угодно заниматься, только бы хоть немного отвлечься.

Следующим в списке был Егор. Не он сам, конечно, а вся его затея. Я мучительно раздумывал над научной (или лженаучной?) и нравственной подоплёкой его экспериментов, а также над загадкой превращения вполне себе материальных биологических объектов. Я как безмный рылся в различных источниках и прочитал всё, что нашёл, вбивая в поисковике разные словечки.

В ответ на запросы «Витализм» и «жизненная сила» сеть предлагала исчерпывающую историческую справку с отсылками в мифологию. Это никак не смогло бы удовлетворить запросы мало-мальски образованного человека. Я долго пытался вникнуть, как же эта древ-

няя философия контактирует с элементарными законами физики и биологии, но только ещё больше запутался.

Куда больше повезло со словечками «внезапное омоложение» и «регенерация». По крайней мере, это было не так скучно.

Старая японка помолодела, бросила дряхлого муженька, вышла за другого и родила сына. Как помолодела? Просто встала с утра пораньше и начала молодеть. Это точно не было похоже на наши с Егором опыты.

Мальчик потерял ногу. Ничего страшного. Напрягся, и за год отрастил новую. Как? Он дружил с ящерицами! Обалдеть, какого только бреда не услышишь. Так, пожалуй, все обзаведутся ящерицами и будут бродить с ними как боцманы с попугаями.

И так далее, и тому подобное. Отросшие пальцы, исчезнувшая седина, мужик помолодел после комы, а женщина – после пожара, вечно молодой уголовник, мать моложе дочери... Одна дебильная статья хлеще другой. И ничего похожего на наш случай.

Я просмотрел «Веды» и «Упанишады», отметив для себя немало интересного.

Я осилил «Основные сведения о Квантовом Переходе живой материи» и понял, что иногда человек уж очень много о себе воображает.

Я с удивлением узнал, что учение о ноосфере Вернадского удивительно совпадает с моим собственным видением мира, но ничего, касающегося интересующей темы, из него не выудил.

Поиски закинули к статье «реинкарнация», но и тут я быстро разочаровался. Ничего нового и удивительного. Случись такое с Егоровым бомжом, тот наверняка ощутил бы себя кошкой, собакой или, что скорее всего – свиньёй, и уж точно не стал бы требовать водки и искать свои татухи.

Интересными оказались статьи про человеческие жертвоприношения. До сих пор я думал, что они устраивались ради хорошего урожая, войны или охоты. Но в двух-трёх источниках упоминалось, что иногда дело было в том, что необходимо было вернуть какого-то царя или героя к жизни, но сделать это можно было, заплатив за это жизнью чужой. Обычно в этих весёлых историях это была жизнь матери или любящей жены, реже – верного слуги... в общем, тех, кого не жалко.

И вот тут начинались народные и авторские сказки. Хоть бы одно мало-мальски документальное свидетельство! И, естественно, ни одного, внушающего доверия, способа, как это правильно проделать.

Когда я дорылся до религий и культов Африки, мне сначала показалось, что я нашёл настоящий клад. Вот уж кто, казалось бы, умел виртуозно жонглировать человеческими жизнями. Хочу – заберу жизнь, хочу – отдам. Но магия тамошних колдунов была какой-то фрагментарной: хочешь богатства – будь добр, тащи чужую печень, хочешь ладно жить с женой – налей человеческую кровь под порог, а за многодетность, естественно отвечал отрезанный член какого-нибудь несчастного. Никакой полной регенерацией тут и не пахло.

Ох, уж эти сказочки. Ох, уж эти сказочники.

Я чувствовал, что ищу чёрную кошку в тёмной комнате, где есть всё что угодно, кроме кошек.

Когда мозг начинал окончательно плавиться, я, наконец, припоминал маму и понимал что у меня ко всему прочему неладно что-то и в собственном Датском королевстве. Мама темнила, и мне это не нравилось. Её неожиданные уходы по вечерам, странные звонки... Опять же в голову лезла всякая ерунда, и правильнее было бы, конечно, сесть и поговорить с ней по душам. Но в силу своего дурацкого характера я не мог этого сделать, а просто ждал чем всё это закончится, вертясь как на иголках.

Вот кто его знает? Ладно, если просто мужик, как наименьшее из зол. Хотя, и тут только и жди какого подлеца. А если секта? Или какие-нибудь квартирные авантюристы? Она женщина восторженная и вполне легкомысленная...

Пару раз пытался проверить – а вдруг сработает? Ведь было же, было – с собакой, с котом, с Серёгой. Я касался её пальцев, передавал хлеб за столом и даже, к её удивлению, чмокал в щёчку. Не работало. Никак.

В панике я хватался за первую попавшуюся книгу и старался хотя бы понять, о чём там идёт речь.

Учёба была спасением от всего этого сумасшедшего дома. Там хотя бы всё было понятно. Вот тебе симптомы, вот – лечение, вот – концентрация лекарств, а вот, нате пожалуйста – патологии новорожденных котят. И никаких философских учений, которые забрели в голову одному задумчивому яйцеголовцу после пинты эля, настойки мухоморов или тупо-недосыпа, а потом породили пятьсот лет споров и тысяча семьсот диссертаций!

Я пинками заставлял себя работать до тех пор, пока в глазах не темнело. Я читал, делал пометки, конспектировал, почти закончил курсовик и даже сделал то, чего отродясь не делал – набросал статью и разместил её на одном ветеринарном сайте.

Прошло четыре дня с момента посещения Егора и я, несмотря на мамины протесты, потащился в университет на зачёт. Погода была пасмурная, безветренная и довольно тёплая для декабря, но я жутко мёрз и постоянно кутался в шарф. Народ встретил меня приветливо, все дружно посочувствовали, а потом поржали. Наш препод по менеджменту, добрый человек, поставил мне автоматом – либо растрогавшись моим тухлым видом, либо чутко понимая, что ветеринару менеджмент нужен как библиотекарю стрельба из лука.

После зачёта жизнь показалась несколько позитивней и светлее, так что даже захотелось прогуляться. Я пристроился в углу под лестницей и стал названивать Серёге, Тимуру и Кире.

Свободен оказался только Серёга. Он появился через четверть часа и сразу потащил меня в «Логово».

С улицы всегда казалось, что это пивнушка для самых упитых алкашей – никакого внешнего вида. Но на самом деле в этом непонятном заведении присутствовал некоторый индустриально-бетонный гламур – как будто в подземном гараже решили построить декорации к малобюджетному фантастическому фильму и пригласили лихих художников-граффитистов, а потом на саму съёмку не хватило денег. Вот взяли и понаставили столиков, чтобы место не пустовало.

Мы сели в дальнем от двери углу и взяли пиво, чипсы и солёный арахис. Прямо над нами на кирпичной стене монотонно мигала ёлочная электрогирлянда – как-никак скоро Новый Год.

– Ну, рассказывай. – сказал Серёга.

– Чё рассказывать-то? – не понял я. – Дома сижу. Вот вылез. Вот пиво пью.

– Про свою личную жизнь. Страсть, как интересно.

– Тебе бы только страсть. Нет никакой личной жизни, только безличная.

– Да ладно! Так тебе и поверили.

– А чего мне врать?

– А того! Когда я тебя откапывал в твоей хижинке, под подушкой нашёл колготки. – загадочно сообщил Серёга.

– Это мои. – лениво сказал я, потягивая неприятно холодное пиво. – Иногда я шалю. Теперь ты знаешь всё.

– Герыч, блин! Я же серьёзно!

Я посмотрел на своего товарища. Сколько помнил себя, у меня никогда не было друга ближе.

И вдруг что-то подхлестнуло и захотелось рассказать. Плевать, как он отнесётся. Но если я сейчас не выговорюсь, то к вечеру окончательно съеду с катушек.

– Ладно, слушай. Со мной живёт девушка. Жила.

– Да что ты! И давно?

– С начала осени.

– Вот как значит. А нам чего не показывал?

– Не перебивай. Ну не показывал, и что? Я же тебе не Кира, чтоб всех встречных-поперечных с тобой знакомить.

– Спасибо.

– Да погоди ты. Просто она странная. Тебе покажешь, а ты потом в покое не оставишь.

У Серёги заблестели глазки.

– Ух ты! Ну-ка, ну-ка... Что это за экзотика такая?

– Серый, держись. Неуравновешенная психика, затяжная депрессия с редкими проблесками ремиссии, раздвоение личности... – Я загибал пальцы. – Ночные кошмары, талант влипать в неприятности, склонность к алкоголизму...

У Серёги всё ниже отвисала челюсть.

– Господи, Герыч, она же тебя убьёт! Как ты с ней спишь?

– А никак. Просто живём вместе, хозяйство общее, то, сё...

– Ну да! Четыре месяца они "просто живут"! А то я тебя не знаю!

– Да говорю тебе! – я просто упивался его реакцией.

– Да брось! Ты что, совсем больной?

– Ты ещё не слышал главного. – я понизил голос. – У меня с ней жуткая разница в возрасте.

– Жуткая насколько?

– Жуткая до жути. Нереальная. Но в целом, ничего. Зато с характером, не глупая, образованная, я бы сказал – старой закалки.

– Старой закалки?! – замер Серёга. – Какая у вас разница-то?

– Ты упадёшь, Серенький. Лет восемьдесят. – Серёга подавился пивом. – Но! Неплохо сохранилась, вот что я скажу, камрад. Весьма, знаешь ли, неплохо, да. И хозяйственная – просто офигеть.

Некоторое время мы пялились друг на друга, а потом как по команде начали хохотать. Над чем смеялся Серый, я не знал, но догадывался. Лично я – над его лицом.

– Во придурок, а! Почти развёл. А я тут сижу, уши развесил.

– Поверил, а? – хохотал я.

– Поверишь с тобой! Восемьдесят лет! Я как представил! Герыч, ну а если серьёзно? Что за дела, а? Станный ты стал какой-то, вот что.

– Серый, я чуть не загнулся! Болею как последний дрыщ, а ты мне – странный!

– Ну а всё-таки?

Мне стало невесело. Я только что высказался, как тот глупый цирюльник, что шептал в земляную ямку: «У царя Мидаса ослиные уши». Цирюльнику, может, и полегчало. Мне – нет.

– Да... ничё особенного. Приходит тут одна из деревни. Чисто время провести.

– Фу, Герыч. Хоть красивая?

Я равнодушно пожал плечами.

– Сойдёт.

Никто не жаждет провести со мной время. Никто не ждёт меня дома, кроме Герасима да мамы. Я прикрыл наливающиеся болезненной тяжестью веки и на миг увидел сверкающий снег, запятые мышиных следов, упавшую красную ягоду, стремительную белку, серую шапку...

– Ладно, Серый, я поеду, пожалуй. Полежать охота.

– А, ну конечно. Поехали, провожу.

– Не, тебе потом добираться. Привет всем.

– До Нового года на ноги вставай, на базу поедем.

Вот только Нового года мне до полного счастья не хватало! Я вышел на улицу, распрошлся с Серёгой и неторопливо побрёл мимо офисов, магазинов и кафе. В жёлтом свете фонарей кружились снежинки. На душе было тоскливо, как никогда. Пусто.

Я вздохнул и остановился. Я сделал это неосознанно, повинувшись сиюминутной потребности. Но люди спешили в одном потоке со мной, и я невольно нарушил недолговечный закон их вечернего перемещения. Парень, идущий за мной, со всей дури врезался мне в спину, женщина вскрикнула, пожилой мужчина что-то проворчал, засмеялись две лёгкие маленькие подружки. Прямо событие, блин.

Я нехотя потащился в людском потоке, и всё думал о том, как можно быть окружённым людьми и одновременно ощущать бесконечное болезненное одиночество, от которого хочется сесть прямо на дорогу, сжаться в комок и заскулить, как потерявшийся голодный пёс.

7

Как и все приличные люди, я решила начать жизнь с понедельника. Правильнее было бы – с понедельника нового года, но ждать ещё неделю было просто глупо. Да и потом, что-то мне подсказывало, что в преддверии праздников люди станут сговорчивее.

Рано утром я встала, привела себя в порядок и направилась на свой мост. Герман сказал бы про него – «место силы».

Стояла совершенно непраздничная погода. Морозцы прошли, и на землю опустился тёплый, тяжёлый и сырой воздушный пласт, именуемый южным циклоном. Никогда особо не увлекалась географией, но сейчас вдруг стало интересно – почему это многие явления действуют совершенно непредсказуемо и безо всякой системы. Ведь есть же постоянное течение Западных ветров и периодически рождающийся Эль-Ниньо. Так нет! Время от времени появляется какие-то заковыристые циклоны и ураганы, засухи и неурожаи, и так и норовят внести хаос в привычное расположение окружающего мира.

Под ногами хлюпал мокрый снег. Я дошла до моста и встала посередине, держась за шаткие перила. Пахло весной. Деревья намокли и сразу приободрились. Я посмотрела на старую иву и представила, как через пару дней она покроется ледяной коркой, а её ветки будут звонко отламываться на ветру и падать на зернистый наст.

Я стояла без варежек, ладони лежали на почерневшем дереве перил – чуть шероховатом и шелковистом, словно человеческая кожа. Впереди, за деревьями простиралось серое снежное поле, уходящее за горизонт, и там, где оно касалось мутного неба, в воздухе лежала белая полоса, как будто по небу медленно протекала молочная река.

Было очень тихо. Я закрыла глаза и доверилась только двум чувствам – обонянию и осязанию. Будто дегустировала редкостное блюдо, которое вряд ли попробую ещё раз в таком же исполнении.

Кора деревьев намокла и почернела, а под ней спали ленивые и терпкие тайные соки – древесная кровь. И я чувствовала их. Они не застыли, а медленно двигались и пахли плотью дерева, его непонятной силой. От снега шёл тонкий кисловатый запах, как из старого овина.

И в воздухе было ещё что-то, чему названия я не подобрала и мысленно прозвала этот запах бледно-сиреневым. В этом едва уловимом оттенке уместились ароматы умерших цветов, чистой воды и холодного заоблачного солнечного света.

Под моими руками согрелась деревянная доска.

Словно человеческая кожа.

Я вздохнула и медленно провела пальцами по старой древесине.

Только представить на миг, больше и не нужно.

Тихо, как пианист, завершивший пьесу, я убрала руки. Открыла глаза. Пора.

Первым делом я направилась на вокзал – место суетное, даже для такого маленького городка. Не может быть, чтобы на вокзале не нужны были рабочие руки.

На моё счастье, за прилавком буфета стояла Даша. Я всегда наблюдала за ней, как за простой и неназойливой деталью интерьера. Но сейчас, непонятно почему, войдя из свежего и сырого воздуха в буфет, пропахший пивом, пирожками и жареной картошкой, я сразу ощутила, что она здесь совершенно не на своём месте. Даша стояла за стойкой и отрешённо протирала полотенцем стаканы. Она была не здесь.

И я замерла, когда до меня дошло то, чем для неё представляется пространство буфета. Повинность. Это не её жизнь. Её чувства и слова тут никому не нужны. Что угодно – дешёвый роман, сериал, мечта – для неё настоящее, а всё вокруг – нет.

Господи, да ведь я десятилетиями жила не своей жизнью. Только счастливая Даша себе во благо заменила отвратную реальность розовыми соплями несуществующей любви и приключений, а я – изнуряющей работой и унылыми правилами.

От прикосновения к далёкому прошлому мне стало гадко и грустно. Я села за столик и сняла шапку.

– Кофе? – спросила Даша.

Местный растворимый кофе не вызывал у меня ничего, кроме глубокого отвращения, но я кивнула. На прилавке застыла коричневая пластиковая чашка с чем-то похожим на нефтяные отходы, покрытые пенкой от супа.

– Я собственно насчёт работы. – начала я деловой разговор. – Не знаешь случайно, нужна здесь техничка или посудомойка?

Даша на секунду оторвалась от стакана, но даже не посмотрела в мою сторону.

– Тут нет работы, и не ищи.

– Почему?

– Да так. У меня мать техничкой в садике работает за копейки. Это с высшим-то образованием. А отец так вообще дома сидит. Завод закрылся и привет.

– Но ты ведь работаешь.

– Тётка устроила. Она тут кассиром.

Мой энтузиазм слегка померк. Ну ничего. Всё-таки город – не село. Я бросила пустую чашку в мусорное ведро и, не прощаясь, ушла.

Следующим по списку был рынок. Сейчас, перед праздниками, тут было людно. В большом помещении, поделённом перегородками на сектора, так и сновали озабоченные граждане. Из колонок, подвешенных к потолку, гремела музыка. Я попробовала было договориться – сначала в молочном отделе, потом в цветочном. И даже безуспешно потолкалась среди могучих баб, торгующих мясом. Без толку. Даша была права. С работой в городке была беда. В наше время такого не было.

Наконец, я добралась до отдела, где торговали всякой ерундой. Хлопушки, маски и ёлочные шары совершенно немыслимо соседствовали с женскими трусами и мужскими носками; водопады хрустящего дождя и блестящей мишуры колыхались от людского движения и сквозняков. На продавщице сиял красный кокошник.

– Извините. Мне нужна работа. – я старалась перекричать людской гомон и жизнеутверждающую музыку.

– Да что ты! А на праздники смогла бы?

– Да.

– Сейчас хозяйке позвоню.

Женщина ушла под завесу фольгового дождя и быстро заговорила по телефону. Я смотрела, как по прилавку бежит китайская заводная собачка на батарейках.

– Нормально. – сказала продавщица. – Документы давай.

– Я дома оставила. Но позже принесу.

– Дома она оставила! Голову только морочите. Кто тебя без документов-то возьмёт? Беги по-быстрому!.

Тьфу ты.

Я двинулась мимо рядов с зеленью и овощами. Запах огурцов и свежего укропа сводил с ума. Так пахнут летние огороды в жаркий день после тёплого короткого дождя.

Я вспомнила, что ничего сегодня не ела, если не считать привокзального кофе и, дойдя до отдела фруктов, купила красное яблоко и три мандарина.

– Ай, какие вкусные. Чего берёшь мало? – мужик за прилавком был слащав как рахат-лукум и сам похож на раздутое красное яблоко.

– Понравится – возьму ещё. – сказала я и тут же принялась обдирать пахучую мандариновую корку.

– Максим, оставь мандарины дома. Возьми бутерброд, если хочешь.

– Ну вава! Не хочу я бутерброд.

– Оставь, говорю, мандарины.

– Но почему?

– Они пахнут... мандаринами. А такое есть не у всех. И будут люди слюни глотать.

– А я угощу.

– Ты всю школу угостишь?

– Ну вавааа!

– Нет. Возьми вот яблочко и иди.

Я прихожу с работы, отряхиваю от снега пальто, снимаю сапоги, иду к холодильнику, чтобы достать кастрюлю с супом и поставить на плиту. И замираю. Оранжевая гора исчезла. Пропали все четыре килограмма мандаринов, которые Лисин привёз мне из Москвы – восстанавливать внука после ангины.

Максим угостил. Всех.

– Ай, вкусно ешь! – восхитился мужик. – Давай ещё угощу.

Из-за прилавка вытянулась рука с чёрными волосами и несвежими ногтями. В ладони лежали ещё два мандарина. Я поблагодарила, взяла и уж собралась было покинуть рынок, но тут меня дёрнул чёрт. Я вернулась и улыбнулась восточному торговцу.

– Я вообще-то работу ищу. Так, подработать на каникулы. Могу торговать, могу товар приносить, убираться. Машину могу водить, правда, прав пока нет.

– Ай, молодец! – расплылся продавец. – Давай, подожди. Сейчас работа будет, всё будет. Эй, Алиюшка! Присмотри, родной, мы сейчас.

Мужик-яблоко повёл меня, ловко обходя прилавки и перегородки – я едва поспевала за его круглым задом и косолапыми ногами в грязных кроссовках. Наконец мы оказались на улице, миновали складские помещения и стоянку и вошли в небольшую подсобку, уставленную ящиками и коробками. У маленького оконца стояли стол и продавленный диван.

– Работа будет, всё будет... – повторил мужик сладким голосом. – Деньги будут, хорошо денег дам...

И вдруг схватил меня под мышки, повалил на диван и впился мне в губы жёстким слюнявым ртом.

Я почти не допускала, что могла быть для кого-то настолько лакомой, что человек забудет про уголовный кодекс, но всё же достаточно пожила на свете, чтобы так уж доверчиво и запросто следовать за первыми попавшимися штанами и забыть про меры безопасности. А потому была готова и к такому повороту событий – расслабилась, перестала вырываться, а как

только мужчина потерял бдительность, невидимым движением вынула маленький кухонный ножик и приставила к его сонной артерии.

– Давай, только дёрнись, дядя. – тихо сказала я.

Торговец замер, давя на меня грузным телом. Потом резко рванулся, пытаясь перехватить мою руку. Я погрузила нож. Правда, изменила направление лезвия и ткнула всего-то на полсантиметра, пронзив один из его подбородков.

– Тихо. Убью.

Торговец ничего не сказал, и это было даже обидно. В таких случаях люди либо ругаются последними словами, либо молят о пощаде. А он смотрел на меня выпученными влажными глазами, в которых застыло полное непонимание происходящего. Тупица.

– Слазь. – скомандовала я.

Он тяжело сполз. В воротник скатывалась тонкая струйка тёмной крови.

– Нападение на несовершеннолетнюю. – я говорила тихо и спокойно. – Знаешь, кто я? Ивана Кузыкина знаешь? Только что откинулся, за убийство сидел. Отчим мой, между прочим. Всё, тебе не жить.

Про Кузыкина я почти не врала. Был такой, в Подмоскowie орудовал. Правда, помер ещё в шестидесятые.

Круглый сладкий торговец, что так был похож на красное яблоко, сразу сдулся, сморщился, заскулил и почему-то стал мне сбивчиво рассказывать, что у него четверо детей, и мать умерла, и отец умер, и дочь собралась замуж... А потом ещё больше вытаращил глаза и стал совать мне деньги – смятые купюры по пятьдесят, сто и пятьсот рублей, которые он вытаскивал из многочисленных карманов.

Я взяла несколько, чтобы только он унялся, и молча вышла вон.

Злоба переполняла меня. Я потерпела фиаско в первый день, и не могла придумать, чем бы заняться завтра, во второй.

8

Егор позвонил тридцатого декабря. Звонок показался странным. Прежде всего потому, он звонил не со своего телефона. Собственно, это так, мелочь, с каждым может случиться, может, зарядник сел. Но он к тому же говорил как-то уж слишком тихо и осторожно, словно боялся, что его подслушают.

– Привет. Как здоровье? – начал он банально.

– Почти в норме.

– Прекрасно. Ты дома?

– Да.

– Слушай, надо съездить ко мне. Срочно. Заберёшь кое-что и оставишь у себя. Я позже заберу.

Я открыл было рот, но передумал говорить.

– Слушай внимательно. Приедешь в коттедж. Ключи от ворот и от подвала у тебя есть. В подвале под аптечкой найдёшь магнитный ключ – прямоугольный такой, как в гостиницах. Это от дома. Ты слушаешь?

– Да-да.

– Вот. Поднимешься на второй этаж. Там стоит чёрный книжный шкаф. Ты открываешь все книги по одной и смотришь. Все книги, понял? Смотришь и кладёшь на место, где взял.

– Ага. – только и сказал я.

– Теперь. Некоторые книги – не книги. Сам разберёшься. Вот их ты аккуратно складываешь и привозишь к себе. Особое внимание «Сокровищнице Эрмитажа». Прямо запомни – «Сокровищница Эрмитажа». Очень аккуратно.

- Ага.
- Никому про это не говори. Никому не показывай. Сделаешь?
- Не вопрос.
- Сколько времени тебе понадобится?
- Смотря, какой из тебя книголюб. Думаю, часа через три буду дома.
- Всё. Приедешь, позвони.

Секунд десять я как дурак стоял с телефоном в руке. Потом очнулся и стал искать тёплый свитер.

Всё это мне напомнило один разговор. Как-то раз, будучи подростками, наша четвёрка пустилась в пространные рассуждения по поводу дружбы и что она из себя представляет. Кира тогда авторитетно заявила:

– Друг – это такой человек, которому можно позвонить в два часа ночи и сказать, чтоб пришёл через двадцать минут с мешком, стамеской и микроскопом. И он не будет спрашивать зачем, а просто придёт. Потому что понимает – раз ты говоришь так своему другу, значит тебе это действительно надо позарез.

Наверняка она вычитала это в каком-нибудь девчачьем журнале. Но мы, тринадцати – и двенадцатилетние сопляки, тогда подивились мудрости Киры и сразу же согласились с ней.

А сейчас я отправлялся за город в чужой дом, чтобы отыскать книгу, которая на самом деле не книга, а потом спрятать эту ерундовину у себя, и никому про это не говорить.

На полпути случилась неприятность. Я притормозил у светофора, и тут мотор заглох. Чертыхнувшись, я стал осторожно поворачивать ключ зажигания. Такое пару раз случалось и раньше. И вовсе не потому, что я никудышный водитель. Просто машина была старой, просто я давно не занимался ремонтом, да и техосмотр по-настоящему не проходил.

Наконец я тронулся, и ни шатко, ни валко добрался до Мавринских ворот. Дело-то не хитрое. Книжки-не книжки... ничего особенного, возьму да уйду.

До подвала я добрался без всяких приключений. Правда, сейчас, когда мохнатые и пернатые жители покинули его, там было довольно тоскливо. В углу валялся забытый мешок с кормом. Я не стал его поднимать.

Ключ нашёлся сразу. Аккуратный маленький прямоугольник с тонкими линеечками по верхнему краю. Я отправился наверх, где мельком был пару раз, и запомнил только нагромождение офисной мебели, кучу папок с бумагами и гору каких-то тряпок, перевязанных бельевой верёвкой.

Книжный шкаф стоял в углу. Я подошёл, открыл створки и стал смотреть, что тут к чему. Вообще-то книг было не густо. В основном на полках теснились пухлые папки с документацией, каталоги стройматериалов и пачки принтерной бумаги. Я уж подумал, что Егор опять напился и понёс пургу, как вдруг между папок показался яркий синий корешок и я, к великому своему удивлению, извлёк «Историю костюма» Наталии Будур 2001 года издания.

Почесав в затылке, я сел на пол, раскрыл книгу... и просто обалдел.

Нормальных страниц посередине не было. Так было принято делать в фильмах про гангстеров времён сухого закона – выковыривать в книжке нишу и прячут оружие, деньги или, на худой конец, флягу с виски. Но ни пистолета, ни денег, ни бухла в книге не было.

Там лежали две шоколадки, завернутые в фольгу!

Я подумал, что ко мне вернулись мои болезненные глюки и сейчас того и гляди, в комнату опять войдёт Герасим и примется улыбаться как Чеширский кот, а шоколадка скажет: «Съешь меня!»

Честя Егора и так, и эдак, я аккуратно развернул фольгу.

Новый сюрприз. Никакого тебе шоколада. У меня в руках находилась две гладкие тёмные пластинки из непонятого материала, с одной стороны отполированные до блеска и холодные, а с другой – матовые и приятные на ощупь.

Я запаковал пластинки обратно, отложил книгу и принялся рыть как сумасшедший.

«Книга для чтения по истории Древнего мира» выглядела бедновато и никаких чудес в себе не таила. Беспольна оказалась и «Стальная Крыса» Гаррисона. Я с интересом полистал «Кама сутру», в который раз восхитился людской изобретательностью, но тайника и там не нашёл.

Зато «Весь Даниил Хармс» порадовал меня. Пластинки в ней были поменьше и, кажется, не очень новые. В глаза бросились слова на сохранившейся странице под ними:

«Вот однажды один человек пошел на службу,
да по дороге встретил другого человека,
который, купив польский батон, направлялся к себе восояси.
Вот, собственно, и все... »

Ну-ну. Однажды один парень встал поутру, а в дверь звонят. Пошёл он открывать, а там стоит девочка и говорит: «Мне девяносто восемь лет. Я есть хочу». «Ладно, – говорит парень. – Давай тогда вместе жить». И стали они жить вместе. Вот, собственно, и все.

Хармс, ты душка.

Дальше шла черед разочарований. «Органическая химия», «Мастер на все руки», «Сборник американской фантастики – 1998», «Оно и Мы», «Гоголь – Избранное», «Справочник повара-кондитера», «Путеводитель по Венеции», «М. Юрсенар. Восточные новеллы» были счастливо полнѐхоньки целыми страницами.

Я только диву давался, по какому принципу Маврин составлял свою библиотеку!

Тут с нижней полки выполз пыльный коричневый Максим Горький со своим несчастным «Детством» и тихо представил мне в развороченном нутре два кусочка в фольге.

«Фауст» Гёте предостерѐг меня словами:

«Ты в близорукости не одинок,
Так смотрите вы все на это дело.

А нужен взгляд решительный и смелый,
Пока в вас тлеет жизни огонек»

Но "Фауст" оказался пуст как неудачный лотерейный билет, и я сунул его на место.

Сальвадор Дали возник из шикарной книги в суперобложке, пошевелил таракаными усами и попенял мне:

«Стыдно, стыдно вам, Читатель, пукать с давних пор, так и не удосужившись поинтересоваться, как протекает это действо и как его надобно совершать...»

Лучше бы дощечками запасся, художник, блин, на букву «х», чем учить людей пускать ветры!

Наконец мне снова улыбнулась удача. В «Русских импрессионистах» нашлись здоровенные дощечки, прямо таки доски, причѐм безо всякой фольги.

А тут подвернулась и «Сокровищница Эрмитажа». Я с интересом залез в неё. Дощечки были бережно обѐрнуты тонким бархатом и только потом фольгой. Были они небольшими. Но сразу было видно, эти – самые ценные и, возможно, самые древние.

Ну вот, собственно, и всё. Я прибрался в шкаф, расставил всё, как было, увязал отложенные книги в какую-то то ли скатерть, то ли занавеску и направился к выходу.

В доме стояла тишина. За окном медленно кружились снежинки. Атмосфера Нового Года, мать его.

Волоча за спиной узел с книгами, я спустился по лестнице на первый этаж, раскрыл дверь во двор и... невольно вскрикнул.

Прямо на пороге стояла женщина. Я успел заметить только норковую шубку и прищуренные глаза.

Женщина молниеносно взмахнула рукой и чем-то коснулась моего запястья.

Я заорал от боли и упал на крыльцо.

9

Восточный торговец навёл меня на ряд размышлений. Лёжа на своей тощей постели и прислушиваясь, как из-за стены доносятся диалоги очередного сериала о несчастной женской доле, я вспоминала его слюнявый рот и влажные глаза и старалась отнестись к нему без отвращения, подставляя его как необходимую подпорку в своих мыслях о дальнейшем существовании.

Собственно, сам торговец в этом отношении был не очень полезен. Что мог привнести в мою судьбу несчастный пожилой продавец мандаринов, обременённый семьёй неудачников? Толку от такого, что от козла молока. Но рациональное зерно в этой случайности несомненно было.

У меня не было документов, не было медицинского полиса, а всё моё образование формально равнялось элементарной грамотности. Никто не торопился брать меня на работу. Почти за неделю поисков меня согласились взять только в три места: вычистить коровник в частном секторе у одного местного куркуля, разгрести снег во дворе и посидеть с двумя детьми цыганки, пока она мотается по своим делам.

Идти на первые два значило совсем себя не уважать. Согласилась только на третье, и то ради разгона скуки. За полдня работы я получила порцию нагловатой ласки от чумазых худеньких цыганят, сто рублей вместо обещанных пятисот и предложение погадать, от которого скромно отказалась.

Из этого городка надо было уезжать и поскорее. Я всё чаще думала о суетной кишашей народом Москве. Она первая лезла в голову. В Москву, в Москву... а куда ещё? В Киев теперь путь заказан. В Ленинград не поеду ни за что. Да, затеряюсь в Москве. В огромном городе, который каждый день пожирает и лениво переваривает толпы народа, это сделать нетрудно.

Уеду и забуду всё.

А ещё можно действительно всё забыть. Взять и возникнуть на месте очередного пожара или автокатастрофы. Глаза выпучены, руки трясутся, на голове шишка, из носу кровь. И ничего не помню. Кто такая, откуда пришла, как тут оказалась? Ничего не помню, полная амнезия...

Нет, таких желающих наверняка пруд пруди. В полиции тоже не дураки работают. Уж я-то знаю, что это такое. Полная медэкспертиза, детектор лжи, а ещё всякие новейшие исследования головного мозга, которые наверняка покажут, что я ловкая симулянтка.

Хотя к этому ещё можно вернуться с другими вариациями...

И всё-таки в Москву. Добраться можно на попутках. Пока есть деньги, надо купить телефон с интернетом. И чтобы непременно навигатор. Чёрт! А ведь телефон без паспорта не купишь.

Итак, восточный торговец. Вот кто невольно предложил мне ещё одно решение – воспользоваться мужчиной. И сейчас я продумывала детали, достоинства и недостатки своего проекта.

Главное, найти правильного кандидата. Идеальным был Йозеф – восторженный, вечно пьяный и доверчивый как бескрылая гагарка. Сейчас, через столько лет, можно было хоть самой себе соврать, что ложиться с ним в постель было стыдно и противно. Ничего подобного. Абсолютно всё равно – спать ли с кем, глядеть ли в небо или есть селёдку. Я заполучила от

него защиту, спасение товарищей и предложение руки и сердца, а в награду за всё хорошее отравила его и сожгла.

Я повернулась на бок и попила из бутылки. Да, отравила и сожгла. А что прикажете делать? Как будто были другие варианты...

Теперь, среди вечернего кухонного шума и жёлтого света от энергосберегающей лампы, мысли о Йозефе не несли ничего ужасного.

Пожалуй, из всех вариантов мне подошёл бы некто среднего возраста, не бедный и облачённый хоть в какое-то подобие власти. Можно с криминальным прошлым, лишь бы сам не в розыске. Сойдёт и женатый. Делов-то... поплакать в жилетку, придумать трогательную историю о своей несчастной доле, пожить месяц-полтора, раскрутить на документы, да и удрать куда-нибудь в Сибирь.

И где же найти такого, работника не слишком дорогого?

Я закрыла глаза. Что же ты творишь, старая сучка? А что я творю? Может, пойти в няньки к цыганам? Это что, лучше? Или убить кого-нибудь... Ага, нужны паспорта потерянные или другие варианты. Ну, это уж точно нет. С меня хватит.

На меня опустилось странное состояние, похожее на тошноту, на похмелье. И я поняла. Мне было противно. Если раньше было всё равно, то теперь было противно, нестерпимо думать, что кто-то, похожий на торговца-яблоко или не похожий – всё равно! – коснётся меня, прижмёт потным телом.

Дура ты стала, мать, совсем дура. Нашлась, тоже мне, Ларина Татьяна!

Кто ты есть и кем тебе быть дальше – подумай.

Однажды я потеряла. Вот это была потеря. Я вздрогнула и открыла глаза.

А это что... Это не в счёт. Это можно пережить.

10

– Что, получил, тварь? А вот тебе ещё!

– Ааа! За что?! – я взвыл и схватился за вторую ужаленную током руку.

– Ну! Что стащил? Быстро выкладывай!

– Да вы чё! Не вор я! Не вор!!!

– Поговори-ка у меня, гадина!

Женщина снова метнулась со своим жутким оружием, но тут я из последних сил напрягся и резко откатился. Она замешкалась на долю секунды и промахнулась. Этого мне хватило. В конце концов, тут уж шла речь о таких ценных вещах, как жизнь и здоровье! Я извернулся как уж на сковородке, онемевшей рукой дёрнул женщину за шубу, уронил на снег и подмял ногами под себя. Проклятый электрошокер выпал на землю, и я отпихнул его от греха подальше.

– Ааа! Помогите! Пусти! – тут же заголосила дама.

Я зажал ей рот рукой и огляделся по сторонам. Никого. В полной тишине на нас слетались белые снежинки.

– Вы что, совсем с приветом? – спросил я. – Так же человека убить можно!

Женщина смотрела на меня круглыми карими глазами. В них не было и тени страха, только решимость.

– Я не вор. – напомнил я примирительным тоном. – Это дом Егора Маврина. Я ему помогаю. Понятно вам? Я тут работаю.

Решив, что с неё довольно, я неуклюже сполз и сел на снег. Обе руки нестерпимо горели. Чтобы снять боль и неприятное онемение, я принялся растирать запястья. Женщина, как ни в чем ни бывало, приподнялась, отряхнула коричневую норковую шубку и поправила короткие чёрные волосы. Чёртова баба!

Она была высокая и крепкая, на вид лет тридцати пяти – сорока, с круглым смуглым лицом и соболиным бровями. По лицу размазалась вишнёвая помада. Я посмотрел на свою ладонь и вытер её снегом.

– А я думала, ты что-то упёр. – сказала женщина.

– Индюк думал... – пробормотал я. – Извиниться не хотите?

– Конечно. Извини. – легко сказала она. – Пройдём в дом, поговорить надо.

– Счас! Я вас знать не знаю. Идите-ка откуда шли. Борец, блин, за справедливость.

– Я Эльза. Жена Егора. – представилась дама.

Это известие никак не вызывало особого желания знакомиться с ней поближе.

– Отлично. – сказал я. – Привет семье.

– Стой. Подожди. Мне надо в дом.

– Егору позвоните, он пригласит. Ах, я и забыл. По-моему, вы в разводе. Спешу успокоить, баб в шкафу нет, не ищите.

У Эльзы от злости побелели щёки.

– Ах, ты, хамлю такое! Немедленно пусти меня в дом!

Я отвернулся, но к счастью, успел заметить, какое движение она собралась совершить, вовремя поддел электрошокер носком ботинка, наклонился и сунул его в карман.

– Отдай мне! Сейчас же! – кипя от злости, приказала жена Маврина.

Мне эта напористая бабёнка нравилась всё меньше и меньше. Я побаивался её. И правильно Егор с ней разбежался. Я бы тоже с такой долго не выдержал. Хотя, если вспомнить, как Маврин запустил мне в башку банкой, то можно только предположить, какие испанские страсти, должно быть, разгорались в этой чокнутой семейке.

– Ага. Счас. Отдам Егору. Как свидетельство вашей неадекватности.

Я пошёл к воротам и больше не оборачивался.

– Стой! – закричала мне Эльза.

Я остановился, но возвращаться не стал. Она подбежала сама.

– Скажи только... чем он занимается?

– Работает. Вон, – я махнул рукой окрест. – Строит потихоньку.

– Это да... Всё понятно. Но что вообще делает?

Я пожал плечами.

– А это у тебя... что-то ценное, да? – не отставала от меня Эльза.

Она попыталась заглянуть мне в глаза. Я не дрогнул. Левую руку ломило сильнее, чем правую.

– Да так. Книжки всякие. – вдруг сболтнул я, позабыв про наказ Егора.

– Книжки?! – выдохнула она, как будто я только что сказал, что несусь с пятью кило героеина в детский сад. – Какие ещё книги?!

Я снова перепугался. Эта тётка того и гляди голову мне откусит, вон как глаза-то вытаращила! Да ну! Чего она теперь без оружия сделать-то сможет?

– Какие надо, такие и книги! – рявкнул я и пошёл к машине.

Мадам Маврина семенила сбоку.

– Передай ему! – выкрикивала она сбившимся голосом. – Передай, что не дай Бог... не дай бог он опять... я уничтожу его, понял! Я найду его везде и уничтожу! Вот этими руками сама придушу! Передай, что я всю знаю! И ещё! – она схватила меня за рукав, но я стряхнул её руку. – Мне нужны деньги. Так и скажи. Между прочим, окончание школы на носу! И пусть мне позвонит, пусть непременно позвонит. Понял, ты, работничек?

– Понял. Да. Всё передам.

Я залез в машину и закрыл дверь. Машина завелась не сразу. В зеркало заднего вида я наблюдал коричневый гриб боровик – жена Маврина стояла посреди белой дороги и становилась всё меньше и меньше.

Егор приехал только ближе к вечеру. Мама опять куда-то свалила. Я успел задремать. Звонок в дверь меня разбудил. Маврин вошёл и поздоровался. Вид у него был такой, будто он пробежал кросс и взял первое место. И только когда он прошёл на кухню, я понял, в чём дело – от него порядочно несло алкоголем. Видно, начал калдырить, не дожидаясь праздников. Садиться за руль в таком виде значило бы окончательно признаться в собственном идиотизме. Вот и бежал как заяц невесть откуда. А может, его из автобуса вышвырнули. Я не стал гадать, а молча поставил турку на конфорку. А пока кофе готовился, принёс узел и развязал на столе.

– О. – сказал Егор. – Молодец.

Я молча увенчал стопку книг электрошокером.

– А это что? Мне на Новый год?

– Ага. От твоей благоверной. Ты уж поговори с ней, что ли. Объясни, что развод ещё не повод кидаться на каждого мужика.

Маврин рассмеялся, как могут смеяться только дети и пьяные – счастливо и беззаботно.

– Эльза? Ты где нашёл её?

– Да я-то как раз и не искал. И не приведи господи снова встретить. Ужас, руки до сих пор ноют!

– Да? А что просила передать?

Он всё никак не мог успокоиться. Даже слезу от смеха пустил.

– Денег просила. Что-то такое с окончанием школы...

– А, ну да, конечно.

– И ещё. – я выдержал паузу. – Просила передать, что уничтожит тебя.

– Да? – Егор посмотрел уже серьёзнее, но всё ещё глупо ухмылялся.

– Да. Если возьмёшься за старое. Конец цитаты.

Некоторое время Маврин раздумывал, приподняв брови.

– А, ну ладно. – выдал он, наконец. – Она, студент, имеет право. А знаешь, почему? Потому что мать! – Егор важно показал пальцем куда-то на потолок, как будто только что высказал невероятно мудрую мысль, которую мне, по недоразвитию, всё равно не удастся постичь. – Мать, Луговой. Она имеет право. И уничтожить тоже. Я перед ней крепко виноват. Всё правильно. А! Чего тебе объяснять...

Он махнул рукой. Пьяный придурок.

– Егор, может тебе лучше домой? Я такси вызову.

– А что? – спросил Маврин с лёгким вызовом. – Сильно мешаю?

– Нет. – я налил ему большую кружку крепкого кофе. – Просто у меня тут тоже... мать. Сам понимаешь.

– Ну, так... Пошли по кабакам.

Настроение у меня было не кабацкое. К тому же, до сих пор по вечерам ломило кости. Я решил поделикатнее выставить Егора, а потом завалиться спать.

– Спасибо, но нет, не сегодня.

– Чё, не мужик что ли?

Ну, началось. Сейчас будем меряться – кто мужик, а кто нет. Я уж было, рот раскрыл, чтобы рассказать, какой я самый тяжело больной в мире человек, как вдруг зазвонил мобильник.

– Герчик, милый, – ласково и виновато начала мама. – Как ты себя чувствуешь?

– Порядок. – я сразу насторожился.

– Да? Ну, тогда спать ложись, меня не жди. Я тут... задержусь, дела.

– Мам, ты где?

– У подружки. Мы тут сидим... Новый год всё-таки.

– Завтра Новый год! Господи, мам, ты что, у подружки ночевать собралась что ли?

Маврин тоненько захихикал. Я вышел в коридор.

– Герунчик, ну что ты нервничаешь! Утром приду.

– Конечно, придёшь, ещё бы!

– Ах ты, солнышко...

– Мам.

– Пока-пока.

И отключилась.

– Что, бросила сыночка мама? – весело спросил Егор. – Халат-то хоть оставила? Ой, не могу! Розовый халат, блин. – он снова захихикал.

– Заткнись. – сказал я ему.

– Я те сейчас заткну!

– Не у себя дома.

– Ладно. – Егор допил кофе и крикнул. – Пойду я. Я ведь поговорить пришёл. Иной раз так поговорить охота. Хоть с кем. Хоть с тобой.

Он встал и осторожно поставил на стол кружку. Я раздумывал, что с ним делать. Что-то его грызло изнутри, факт. Да и мне хотелось расставить пазлы по местам.

– Ладно, шут с тобой. Давай поговорим. – сказал я.

– Вот и славно. – он сразу приободрился. – А кроме кофе, что-нибудь имеется?

– Определённо. – я радушно распахнул маленький шкафчик возле окна.

11

Я приоткрыл форточку. Запахло палёным. Подростки во дворе вовсю поджигали петарды. Очередная бомбочка грохнула, как будто в кого-то пальнули из ружья. Завизжали девочки. По-гусиному загоготали парни.

Егор разлил горячую пряную жидкость по кружкам. Я-то думал, что он будет водку, но он заявил, что будет меня лечить и приготовит настоящий глинтвейн, а не то, что сейчас за него выдают. Уж не знаю, настоящий это был глинтвейн или не настоящий, но на него убилась целая бутылка сухого красного, да ещё порядочно коньяка, а корицей и имбирём пахло так, что все бактерии должны были закружиться и повеситься.

– Завтра встанешь как огурчик, благодарить ещё будешь. – сказал Маврин. – А то что? Новый год всё-таки.

– Да ну его.

Я глотнул из кружки. Гадость была порядочная, но всё-таки лучше, чем тот энергетик, каким потчевала меня Ада. По внутренностям заструилось тепло.

– Как же так? – очнулся Маврин. – У вас, вижу, и ёлка не наряжена.

– Мы дома не празднуем. И вообще обычно не празднуем.

Маврин помолчал, потом тоже отпил и взял со стола бутерброд с сыром.

– Я должен спросить, почему?

– Отца в новогоднюю ночь сбил пьяный водила.

– Извини.

– Да ничё. Шесть лет прошло.

– А твоя подруга?

– Она ушла.

– Совсем?

– Думаю, да.

– Обидно, должно быть.

– Терпимо. Её выбор.

Мы снова помолчали. За окном пошла сплошная пальба. Потом послышалась мужская ругань, наглый смех, топот ног и где-то за пределами двора – новый выстрел и хохот.

– Луговой, а тебе никогда не хотелось что-нибудь взорвать? – спросил Маврин. – Не так, как они, а разнести всё к чёртовой матери.

– Хотелось. – сказал я.

– И что ты делал?

Я пожал печами.

– Мало ли чего нам хочется. Люди же не виноваты.

– Да. Вот именно. Знаешь что? Не приходи больше на работу.

– Что так?

– Не твоё это. Сам разберусь.

– Ты же вроде звал.

– Ну, звал. Ты бы выручил, конечно. Но вот смотрю я на тебя... Займись-ка чем-нибудь другим.

Я не стал ему отвечать. Горячее вино медленно плавило мысли. Маврин пришёл выговориться и никак не мог решить – с чего ему начать. А пришёл ко мне, потому что больше не к кому. Только бешеная жена, да ещё непонятно какой сын.

Егор сидел за стеклянным столом и отчего-то был похож на медведя, которого не ко времени разбудили среди зимы, и теперь он тыкается по лесу, ни черта не понимает и досматривает на ходу свои звериные сны. Я пододвинул ему блюдо с колбасой, и он машинально взял один кружок.

– Ладно. Слушай, студент. Может, ума наберёшься – на чужом опыте это безопаснее, хотя на своём – надёжнее. С чего бы начать-то? Так. Я окончил медицинское училище. Не абы чего, но всё-таки специальность – фельдшер. Знаешь, пошёл, потому что родители заставили. Мне тогда, в принципе, было всё равно. Учился средне, но старался. В группе нас было только три парня, остальные девчонки. Ну и, конечно, дружба навек. Ни много, ни мало, решили вместе поступать в военную медицинскую академию. Но это потом. Сначала закончить медучилище, отслужить срочную, а затем уж в вышку. Дождались призыва и сами пришли в военкомат.

Ну вот. Попали, правда, в разные части. И тут, понимаешь, я дозрел, что ли.

Бывают такие счастливые люди – их спроси в пять лет, кем они хотят стать... Лётчиком! Музыкантом! Ну или трактористом, не важно. И ведь становятся! А я вот никем не хотел. Никогда. И тут – на тебе! – до смерти захотел в десант. Вот, прямо чувствую – моё. И пошло-поехало. Забил на академию. Подмал – отслужу и махну в Рязань. Ты, конечно, не в курсе... там училище – высший класс.

Я понимающе кивнул. Никем другим я Маврина и представить не мог. Точно – это его. А всё остальное – всякие коттеджи, машины, все эти искания и открытия... наверное, не правильно. Интересно, прибыльно, но не правильно.

– До сих пор вспоминаю, снится... Да ладно, что говорить. Не сложилось.

Егор замолчал. Я разлил вино. Мы молча выпили. Мне не хотелось спрашивать, почему не сложилось. Каким бы ни было это далёкое событие, оно повернуло рычажок судьбы и не только изменило жизнь человека, но и повлекло за собой череду случайных происшествий, одним из которых стало появление Ады на моём пороге.

– В Таджикистане служил. – сказал, наконец, Маврин. – В двести первой.

Он посмотрел на меня и махнул рукой. Правильно, мне это вообще ни о чём не говорило.

– Прыгал с парашютом. В девятнадцатый раз, прикинь! – Егор взял ещё кружок колбасы, пожевал и запил вином. – Всё как по маслу, всё отработано. Ну и что ты думаешь? Приземлился как баран. Ровное поле, ни камешка! И вот, пожалуйста – перелом шейки бедра и трёх

позвонков. У меня в ноге титановый сустав. Поставили на совесть, даже не хромал. Но знаешь, сколько в больнице провалялся? Полгода! Вот тебе и карьера.

Ну ничего. Оклемался. Домой не поехал. Решил поработать. От добра добра не ищут. Где бы я в своём городишке нормальную работу нашёл в двадцать один год? Это вам сейчас хорошо, а тогда, знаешь, как с работой было? По полгода людям деньги не платили. А тут устроился в госпиталь, зарплата хорошая, без задержек, одежда, паёк, всё включено, одним словом.

Правда, если за территорию выходишь – хоть волком вой. Вокруг все чужие. Русскую речь не каждый день услышишь. К тому же местный климат просто убивал. Я ведь рос под Псковом. Там всё лето дожди через день, а жарой называются двадцать пять градусов. А тут в апреле начинается такое пекло, что сквозь подошвы пятки жжёт. В июне мы спали только на складе в подвальном помещении и без особой нужды старались до ночи на улицу не выходить.

Работы было мало, интернета нет, книг – раз, два и обчёлся. Вот мы собирались по ночам и напивались до бессознательности. Или курили местную траву. Просто потому, что заняться было больше нечем. Утром проснёшься – голова как чугун, во рту кошки срали, на улице жарища. Жить не охота.

К началу августа я начал потихоньку сходить с ума. Скорее всего, так и понесло бы по наклонной и, в лучшем случае, стал бы я безобидным алкашом. Но тут встретил Эльзу.

Бывает в жизни так – видишь человека, и понимаешь – вот, это твоё, совсем такое, как надо. Не нужно больше метаться и бузить. Всё, навоевался.

Ей было девятнадцать, мне двадцать один. Она жила с мамой в однокомнатной квартире.

Ты не смотри, она раньше совсем другая была. Тихая девочка, скромная, очень воспитанная. Такая... похожая на голубку, милая, нежная. Училась заочно и работала в книжном магазине – принимала и заказывала товар.

Мы недолго встречались. Зачем тратить попусту время, если и так всё ясно? Через два месяца скромно поженились. И переехали жить к Эльзиной маме. Так и жили втроём – отгородились шкафом и ладно.

Светлана Олеговна! Добрейшей души человек, тёща замечательная. И вообще почти идеальная женщина. Встретит, накормит, проводит, всё чисто, отглажено, дурного слова не скажет никогда. Правда было одно «но». Всю жизнь проработала в школе и постоянно водила домой учеников. А по воскресеньям приходили родня и друзья, приводили детей и внуков, обедали, галдели, пели всякое старьё и вообще радовались жизни. Эльза к такому положению вещей давно привыкла, а я, разумеется, нет. Однажды не выдержал и поговорил с тёщей. Не жаловался, конечно, а просто сказал, что нам пора бы пожить отдельно, как молодой семье. И расстались мы в самых благожелательных отношениях.

Комнату я снял у одного русского старика – очень хорошую большую комнату у очень тихого аккуратного старика. И стали мы жить-поживать.

Старик был просто прелесть – не занудничал, не придибался, он даже не кашлял и не храпел. Его вообще как бы и не было. Плату за квартиру брал просто смешную, кухню и ванную содержал в чистоте, из своей комнаты не вылезал. У него было много книг – по коридору выстраивались сплошные книжные шкафы. И вообще он казался человеком образованным. Но кто такой и откуда – такие вопросы нас с Эльзой не особо интересовали. Мы тогда много работали, сколачивали хозяйство и откладывали деньги. К тому же, у нас было планов громадье. Я поступил заочно на отделение фармацевтики. Эльза готовилась родить.

Это как раз случилось, когда я отвёз жену в больницу. Рожать было рано, но она всё жаловалась, что голова болит и давление повышенное. Врачи посоветовали лечь на сохранение. Я остался один и затеял небольшой ремонт. Хотелось к приезду Эльзы поклеить новые обои.

Конечно, первым делом пошёл посоветоваться к деду. Всякое бывает – захочешь как лучше, а потом вылетишь из квартиры. Старик принял меня ласково, расспросил про жену и

усадила на кухне пить чай. Ремонт он позволил делать любой – хочешь, говорит, хоть окно ещё одно прорубай, хоть стены в красный цвет крась – его это не волнует. Я сказал, что мы, конечно, люди скромные, но никогда его гостеприимством злоупотреблять не будем и квартплату будем платить такую же, как раньше, не смотря на проделанный ремонт. Так зашла речь о деньгах. И тут дед так, между прочим, намекает, что может вообще нас от квартирной платы освободить, да и от коммунальных платежей заодно. И вообще, у меня есть шанс к приезду жены прилично заработать. Конечно, не за просто так. Ему нужна помощь, но необычная. И чтобы языком не трепать.

Я сразу насторожился. Мало ли, чего накопилось у старца. Может, ищет наёмного убийцу? Но старик успокоил – ничего, мол, страшного. Мы просто одному человеку поможем, и всё. Когда нужно будет, он меня позовёт. Я успокоился. Кто в здравом уме от заработка откажется?

На том договорились и разошлись. Я сначала подумал, что это дело, требующее физических нагрузок – машину подремонтировать или на даче что починить. Потом думаю – нет. Скорее всего, что-то связанное с информацией – нарыть на кого-то данные, пошарить по сайтам, что-то разыскать. Известно, что старики в этом не сильны.

Забот у меня и своих хватало, поэтому про старика я вскоре позабыл. Но только успокоился и плюнул на его чудачества, как он однажды нарисовался в моей комнате среди ночи. Я сплю, вдруг в двери – бот, бот, бот. Да сильно так, как на пожар. Я чуть с кровати не рухнул.

Влетает дед, волнуется, суетится. Опять же, на него не похоже. Всегда спокойный был как старый удав.

Мне, говорит, срочно нужны химическая посуда и реактивы. И суёт мне список. Батюшки мои! Меня даже не то удивило, что он такие слова знает, а то, что многие из них не знаю я. Когда? Как можно скорее. И тут выкладывает деньги, весьма немалую сумму. Поезжай, говорит, в Москву, непременно всё найди, и сразу назад.

Первая мысль была – дед делает наркотики. А что? В тихом омуте черти водятся. Я так прямо его об этом и спросил.

Что ты, сынок! Да как можно! Да я – уважаемый человек! Это просто исследования, так, на склоне лет. Ты уж помоги, я не обижу.

Вижу, деньги хорошие, действительно не обидит. Интересно, конечно, стало, где он столько взял.

А дальше.... На работе я оформил отгула за свой счёт, попрощался с женой и сел в самолёт.

Вернулся, помню, рано утром, ещё шести не было. Выгрузил сумки и сижу, отдыхаю. В больницу идти рано, на работу только завтра. Дай-ка, думаю, зайду к старику, он рано встаёт. Постучался. Никто не открывает. Постучался громче – тишина. Тут уж я забеспокоился. А вдруг старик помер?

А надо сказать, что дверь дед всегда запирает на ключ, и замок был такой, что не поймёшь – закрыто изнутри или снаружи.

А меня вообще замки с малолетства завлекали, умел с ними справляться лет с девяти. Ничего, конечно, криминального, но если у соседей были с этим проблемы, всегда звали меня.

И решил я вскрыть старикову комнату. Дело оказалось несложное. И вот я вхожу и столбенею. Мама дорогая! Всё, что можно, уставлено склянками, банками, где-то этикетки есть, где-то – будто специально содраны. Книжки стопками на полу. А из мебели только кровать, стол, да два чемодана с одеждой.

И тут, как ни в чём не бывало, входит сам дедушко, да спокойненько так, просто жуть.

– Всё привёз? – спрашивает.

– Всё.

– Неси.

И ни «здрасьте» тебе, ни «пожалуйста».

Ну, а дальше он снова исчез из поля зрения. Да и мне стало не до него.

Я слушал Егора и будто начинал видеть его глазами. Комната, старая жёлтая шторка на окне, обшарпанный край деревянного стола, пальто на спинке кровати, чёрный потрёпанный чемодан, из него торчит серая старикова рубашка...

Это меня не удивило, потому что я уже прилично накачался. Я опёрся спиной о стену и вытянул ноги на третью табуретку. Её, собственно, для того и завели, чтобы я вытягивал ноги.

Егор помолчал, собираясь с мыслями.

– Эльза родила раньше времени. Всё сразу закрутилось, только держись. Данилка был слабенький, постоянно болел. К нам перебралась тёща, постоянно нужны были какие-то редкостные лекарства, я учился и работал как проклятый на двух работах, все мы не высыпались и ходили как зомби. А дальше... как это обычно бывает, любовная лодка стала разбиваться о быт. Это приходит как-то вдруг. Вот просыпаешься и думаешь – а ведь раньше я не замечал в ней эту черту или эту привычку. Как же так? Человек суп из ложки всасывает, как машину заводит. И эти её волосы вечно в два хвостика как у пионерки. Ой, да что вспоминать...

Да и она раньше так не говорила. Я и тупоголовый неудачник, и двух слов связать не могу, и руки у меня не из того места растут.

Нам бы тогда заткнуться и потерпеть, но мы были горячие, нам терпеть было некогда, из нас искры летели.

В конце концов, жена с сыном решили временно пожить у тёщи. Якобы, нам всем надо отдохнуть и переждать. Так говорила тёща, добрая душа. И я остался в комнате один.

Вот тут-то и появился старик.

12

Кухню освещала только маленькая лампа – подсветка под вытяжкой. Ни мне, ни Егору и в голову не приходило включить нормальное освещение. Мы сидели за столом и верили в то, что полутьма и тишина защитят нас от чего-то неведомого, что только и ждёт, что его назовут по имени и тем самым вызовут из небытия.

Это не было страхом. Это было усталостью от слишком длительного ожидания изменений. Такое наверняка чувствует человек, идущий долгой дорогой по краю пропасти. Сначала страшно, потом привычно, а потом... потом зовёт к себе синяя бездна под ногами. Всего-то шаг. Я вздрогнул.

А Маврин-то с парашютом прыгал. Брр. Вот чего бы я ни за что не стал делать, хоть убей.

– Прошла неделя, а от старика ни слуху, ни духу. Сидит в своей комнатке и больше ко мне не лезет. А ещё уходит надолго, чего раньше с ним не бывало. Бродит где-то до самой ночи. Однажды я даже начал волноваться – мало ли, человек пожилой, на дворе ночь. А он пришёл, бесшумный такой, как кошка, и – шашь, сразу к себе. Утром я на работу собираюсь, поглядел на его пиджачишко, а на нём кровь. Бурая уже, спёкшаяся, и пятна приличные. Я ещё наклонился и понюхал – может, кетчуп или краска. Нет. Ну кровь и кровь, может, где поранился, может неудачно упал. Старый ведь человек.

А пришёл он ко мне, когда я уж и не ждал. Я, говорит, слышал, у тебя неприятности. Это, говорит, всё из-за денег. Всё в финансы упирается. Вот был бы ты чуток богаче, никто бы от тебя не бегал.

Конечно, отвечаю, кто бы спорил! Только выхода не вижу.

И тут он напомнил про ту помощь, что я обещал. А я ведь думал, что она в том и заключалась, что ему всякую ерунду из Москвы привезти.

Нет, говорит, это так, необходимость. Деньги будут хорошие. И называет сумму.

Я рот раскрыл. Это что я такое должен сделать, чтобы столько отвалили? Подумать страшно.

А старик гнёт своё – ничего уголовного, ничего страшного. Но только не болтать! Можешь, конечно, отказаться.

Ну я подумал-подумал... А чего мне терять? Согласился.

Первым делом мне доверили синтез. У самого деда руки тряслись и зрение было плохое. Я провёл в стариковой комнате не одну ночь, испортил кучу реактивов, прожёл дыру в ленолеуме, обжёгся сам и чуть не устроил пожар. Психовал я страшно. Да и старик сучил ножонками и плевался. Чуть не переругались. Наконец получили. Смотрю я и думаю – Господи, и из-за этих граммук весь сыр-бор! А дед радуется, всё запаковал как нужно и в холодильник убрал.

А потом снова куда-то свалил. Два дня его не было. А ночью снова заботал в дверь.

Ну, говорит, пора, поехали, я такси вызвал.

У тебя... это... ещё что есть?

Оказывается, мы под разговор уговорили весь глинтвейн и остатки коньяка. Я молча открыл холодильник и достал бутылку водки и котлеты, оставшиеся с обеда. Больше ничего годного к немедленному употреблению не было. Когда усаживался обратно за стол, меня мотнуло и я едва не уронил бутылку.

– Завтра буду блевать. – заявил Маврин. – А может, и сегодня. Ну и по хрен!

– По хрен. – сказал я. – Давай, чего там дальше?

– Поехали. Приезжаем в центр города, подходим к одному вполне приличному дому, входим в подъезд, поднимаемся в квартиру. Темно, помню, было, как в трубе.

Вот. Заходим. Воняет, просто жуть! Мерзотно просто воняет!

И тут я знакомлюсь ещё с одним стариком. Лежит голый на кровати, сухой как скелет, лицо серое, волосы клочьями, один глаз с бельмом, другой вообще зарос, изо рта язык вываливается. В общем, кошмар полный. И запах такой, что наизнанку выворачивает.

А мой-то дед за своё: смотри, говорит, очень внимательно, потом не болтай, а сейчас не ори. Второе, конечно, насторожило. С чего я должен орать? Молодой, нервы крепкие, в морге всякого насмотрелся, меня гнилыми стариками хрен напугаешь.

И тут как раз всё и произошло. Господи, я чуть с ума не сошёл! А потом в первый раз в жизни в обморок упал. Прихожу в себя, а они оба надо мной висают – один старый, другой молодой.

Ты-то хоть информационно готов был. И то – помню, как ты смотрел на мышь, думал – зайкой станешь.

А теперь представь: безо всякой подготовки ты видишь, как человека охватывает пламя. Свет столбом, пепел во все стороны, и вдруг... вот он, голубчик – живой и здоровый!

Пришёл я в себя, попил водички и, конечно, давай вопросы задавать. Но моему дедушке в это время не до меня было. Он накормил молодого, одел-обул и снова вызвал такси. Меня высадили возле дома, а сами куда-то поехали посреди ночи.

И вот сижу я один в темноте и думаю: то ли мне всё приснилось, то ли я с ума сошёл на нервной почве. Долго так сидел, до самого рассвета. Пока мой старичок не пришёл.

Тут-то мы и поговорили.

Ты пей, давай, чего сидишь.

– Да пью я.

– Эх, Луговой. Дрянь всё это, ты пойми. Такое болото... Вот ты скажи, было у тебя так, что хочется хорошо людям сделать, от души так, от всего сердца, а получается... говно?

– У всех бывает. – уклончиво сказал я.
– То есть, ты считаешь, что это закон жизни, да?
– Нет. Нельзя назвать законом то, что пятьдесят на пятьдесят. Дальше, Егор. Возьми котлетку, а то лопаешь, не закусывая.

– Ага. Дело было так. Было их два брата, близнецы. Выросли в хорошей семье, образование неплохое получили. Жили всегда дружно, всё пополам, всё вместе. Но однажды, в незапамятные годы, связались с какими-то тёмными типами. Видно, сладкой жизни захотелось. Сначала фарцевали, а потом стали попросту ворами-домушниками. Вскоре одного поймали и посадили, а другой на воле затосковал и стал пить. Пьяному море по колено, вот и стал он куролесить. То машину угонит, то обчистит кого. И всё ему сходило с рук, никак поймать не могли.

Однажды влез на богатую дачу, думал пустая. Нахвтал всего внизу, поднимается в спальню, а там сидит старуха и смотрит на него. Что в таком случае делают? Правильно, нечего свидетелей оставлять. До этого, как он божился, никогда такого не делал, и вообще не знает, что на него нашло. Скорее всего, просто под градусом был. Но видно, не знал, куда бить или рука дрогнула. Упала женщина на пол и стала стонать. Мужик, видно, сразу протрезвел. Был, должно быть, не совсем конченным. Оказал помощь, уложил, прощения попросил. А старуха и говорит: я, мол, всё равно умираю, исполни последнюю просьбу. И стала ему объяснять, что делать. Объясняла, объясняла, да и сознания лишилась. Тот, конечно, в шоке. Не знает – то ли бежать отсюда, то ли делать, как старуха велела. Да ведь это и впрямь как бред!

И всё-таки всё исполнил, как обещал. Не знаю, может, греха испугался.

И вот тут я, хоть убей, не понимаю! Как же так? Полупьяному вору удалось с первого раза то, что у меня до сих пор через раз получается? То ли приврал старичок, то ли в рецепте было какое-то неизвестное звено.

Ну, а что было дальше, можешь себе представить. После полного фейерверка на полу отряхивалась молодая женщина.

Для сказочного финала не хватает только – «И жили они долго и счастливо». Представь себе, почти так и случилось. Жить они действительно стали вместе. Уж не знаю – счастливо или нет, но только не долго. Я так понял, дама отчего-то померла, а это, сам понимаешь, вызывает смутные подозрения. Вернуть её к жизни во второй раз, должно быть, не вышло или не захотел никто.

А может, старик всё и наврал. Теперь уж не узнаешь.

А потом вернулся брат. Так ни шатко-ни валко оба жизнь и прожили. Но мой хитрый старичок ему про свой секрет ни гу-гу. А под старость таки решил проделать фокус, благо братишка явно намеривался уйти из жизни первым. Расчёт простой – сначала проверить, чем чёрт не шутит, а потом уж и самому...

Так мы братца и воскресили. Старик побоялся совершить весь процесс сам. Всё-таки стар, немощен, ручки трясутся. Поэтому позвали меня. Вернее, так мне потом объяснили, и я, дурак, поверил.

А на самом деле... На самом деле всё было для меня очень паршиво.

Их план был прост и вариативен.

Да, и впрямь могло случиться, что первому брату по дряхлости лет понадобится помощь и поддержка. Тут бы я и пригодился.

А ещё братец мог возвратиться в неадекватном состоянии. А я владел приёмами первой помощи и при случае оказал бы её.

Могло быть такое, что с первым братом не получится. Тогда оставался я и помогал второму.

Ну, и последний вариант – братец мог окрепнуть и кинуть своего старого спасителя. Так, кстати, потом и случилось.

Но в любом случае, оставлять меня в живых не стоило.

Но сначала всё шло гладко. Мне заплатили. Я добавил к этому накопленное честным трудом и взял двушку в ипотеку. А учитывая тогдашнюю инфляцию, легко и просто оплатил оставшееся за два года. Эльза вернулась, сын окреп. Живи да радуйся.

И всё вроде хорошо – жена красивая, свой дом, сын растёт. А мне сна нет. Иной раз лежу ночью и думаю, думаю... Как это? Почему такое возможно? Если это обман, то для кого?

Стал раздражительным, ничего не радовало.

Прошло года два. Всё наладилось. И только нервы встали на место, снова появляется старик. Позвонил, гнида. Видно, заходя мой номер раздобыл. Долго хрипел и шамкал, а потом наконец соединил буквы в слова. Всего три слова «Приходи. Мне плохо».

Я сразу понял, зачем он меня зовёт.

13

– Луговой, ты слушаешь, нет?

– Да, да, конечно. – я потряс головой.

На самом деле я и не собирался кемарить, просто меня снова накрыло и я начал видеть свои странные картинки – видел тёмный, пропахший кошками подъезд, умирающего от старости человека, синее пламя с оранжевыми искорками, тесную квартиру, пропахшую немощью и болью...

Я с удивлением обнаружил, что давно держу на коленях Герасима и перебираю шелковистую шёрстку на его загривке.

– Ух ты. – насторожился нетрезвый Егор. – А это что у вас?

– Где?

– Вон там, под холодильником. Ну-ка, давай, вылезь...

Я лениво подумал, что Маврин допился до чёртиков. С кем он там разговаривает? С домовым что ли?

И тут что-то нежно звякнуло, и из-под холодильника медленно выползла маленькая блестящая звёздочка. Я с трудом наклонился и поднял мамину золотую серёжку с подвеской, потерянную аж в прошлом году.

– Прекрасно. – сказал я. – А ещё ты, ко всему прочему, притягиваешь золото. Я-то, дурак, с первого раза не въехал.

– Бесплатное приложение. – сказал Маврин.

– Хорошее приложение. Начальный капитал для строительной компании тоже так напрягивал?

Егор широко улыбнулся и кивнул.

– Одного не пойму. – сказал я. – Что ж мелко-то так? Купил бы нефтяную компанию или остров на экваторе.

– Ага, счас. Вот допью и пойду покупать. Парень, я что, по-твоему, на пиратском острове живу? По-твоему, золото повсюду килограммами валяется, только берись за лопату? – он рассмеялся. – Я всё-таки чту уголовный кодекс. Что упало – то пропало, что пропало – то ничё. Значит, моё. Теперь мама твоя обрадуется.

– Это точно.

– Ладно. Слушай дальше. Позвал, значит, дедок. И вот тут... тут накрыло меня такое чувство, что не зря всё это со мной, что неспроста я однажды видел чудо, что я хочу это увидеть ещё и, что главное – хочу понять природу этого явления, всю биохимию, всё это странное

волшебство. Ну, вспомни-ка! Ведь было такое с тобой? Ведь было? Эта девчонка... рассказала, а ты, поди, рот раскрыл. Тебя ведь тоже понесло?

– Понесло. – вздохнул я.

– Я бросил всё. Взял отпуск за свой счёт, ничего никому не объяснил и уехал на другой край города. Я очень волновался.

У старика был рак кожи, и это сделало его страшным. Метастазы уже расползлись везде, где только можно. Видно было, что дед страдает. Он лежал на диване, тяжело дышал, но был в полном сознании и твёрдой памяти.

Помню, я встал возле него и смотрел. Больной человек вызывает жалость, тем более, если он при этом глубокий старик. Я это понимал, и мне стыдно было, что не жалость я чувствую, а отвращение – грубое, примитивное отвращение, какое испытываешь, когда случайно раздавишь рукой жирное насекомое.

Он просил тонким задыхающимся голосом. Говорил, что надо было сделать всего лишь малость. Что он всё приготовил сам. Что старался, что загодя запасся всем необходимым. Скулил, жаловался на то, что ему пришлось всё делать самому, потому что все его бросили и никому-то он не нужен. Ругался на брата – он и неблагодарная сволочь, и сучий сын, и будь он проклят! Всё приговаривал – вот и делай людям добро!

И всё ныл – нудно, тонко, мерзко – "Я один, совсем один, недолго уж осталось. Самую малость. Только немного помочь, направить, ведь всё готово. А я уж отблагодарю...".

И я сказал "нет".

Он смотрел на меня, глаза слезились, он корчился и задышался.

– Чего ты хочешь? Чего тебе надо? Я заплачу, у меня есть.

– Хочу всё узнать. Научишь меня – спасу.

Он брызгал слюной, ругался, требовал вколоть ему обезболивающие...

Я провёл с ним весь вечер. Мне было тяжело и тошно. Больше всего хотелось убежать. Мне казалось, что я просидел в комнате целый год. Я вызывал в памяти лица жены и сына и, к своему ужасу, не мог вспомнить их в подробностях. Это было страшно – как будто старик со своей безобразной болезнью и со своими секретами вытер мою память насухо и заполнил чем-то чужим и липким.

Он просил и проси. А я не сдавался. Для меня вдруг стало жизненно важным узнать, как происходит вся эта канитель. Я стоял над ним и удивлялся: как же я раньше не догадался прийти и вытрясти из старикашки его диковину.

А ночью он, наконец, сказал "ладно".

Мы проговорили всю ночь. Он мне отдал... все записки, все книги. Пожадничал отдать брату, поэтому они и разбежались. А мне отдал. Вернее, не отдал, а сказал, где они находятся. И на рассвете я копал землю возле чужого забора, под кучей старых покрышек...

Потом я понял. Кое-что узнал.

И пожалел, что пришёл. И что однажды чёрт меня дёрнул польститься на дешевизну его комнаты.

Почему? Не всякое знание приносит удовлетворение и покой.

– Луговой, ты не спишь ещё?

– Нет, конечно. – отрешённо откликнулся я. – Почему же ты пожалел?

– Почему? Вот именно. – Егор замолчал и некоторое время сидел, покачиваясь вперёд-назад, словно убаюкивал себя. – Вот тебе один житейский анекдот. У меня был один не то чтобы друг... хороший знакомый. Человек влюбился и женился. И любил он свою жену без памяти, что редко бывает после десяти лет брака. Прямо молился на неё. Не женщина, а пуп Вселенной. Ну, конечно, мужики посмеивались, а женщины завидовали этой даме и попрекали

своих мужей. Даже у моей нет-нет, да и вырвется – вот, мол, Стасик и то сделает, и это, а ты... ну, и пошло-поехало. Она у него часто по разным санаториям ездила, а он всё работал. Но вот после одной такой поездки на его благоверную стала время от времени находить печаль и хандра. Другой бы и в ус не подул, а этот Стасик, чтоб его, в панику ударился, даже психоаналитика нашёл. А бабёнка мудрила-мудрила, да и выдала. Я, говорит, тебе изменила, так уж случайно получилось, но теперь, конечно, раскаиваюсь и меня мучает совесть. Вот не дура? Нет, чтобы промолчать. Мало ли, всякое в жизни бывает. Ей, может, и сразу легче стало, но разве можно было так с этим человеком? Так и развелись они и жили после разнесчастные. Потом уж и не знаю, что с ними было...

Вот и спрашивается, всякие ли знания человеку во благо?

Вот и я узнал. За что боролся, на то и напоролся.

Это после я пытался всё переделать, вычистить, выбелить, привести в приличное состояние. И у меня, чёрт возьми, получилось. А тогда я держал в руках жёлтые листки, смотрел на них, на такого же жёлтого старика и думал... Зачем? Кто назначил такую цену? Этот старик столько не стоит. Он вообще нисколько не стоит. Он умрёт, и никто не вспомнит о нём.

Это была действительно страшная цена. Я стоял над стариком и мне не хотелось возвращать ему жизнь.

Если бы я тогда просто ушёл! Всего-то нужно было отвернуться и уйти. Ведь было отвращение, страх и знание того, что я нарушаю закон. И не просто закон конституции – это у нас любой дурак норовит, а закон природы.

Давай-ка, выпьем, студент. Чего оставлять-то...

Я, конечно, не ушёл. Через двое суток жизнь человека завершилась. Он угас. Я сделал всё, как положено. И впервые сам помог возвратиться живому существу.

Первое, что ощутил – восторг. Я смог, у меня получилось!

Потом разболелась голова.

А потом человек набросился на меня.

Я не ожидал такого поворота. Я вообще охренел! Представь себе – ты растерян, устал как собака и не спал две ночи. Тебе кажется, что всё самое трудное позади – дело сделано и можно расслабиться. И вдруг этот сукин сын набрасывается, толкает меня на пол, прыгает на грудь и начинает душить!

Я не мог с ним справиться. Вроде я не доходяга, но супротив этой твари нужно было, как минимум, ещё двоих. Силы у него оказались немерено. В него вообще будто бес вселился. Я хрипел, извивался, у меня вся жизнь пронеслась перед глазами. Не знаю, как удалось выпростать одну руку, но первое, что я сделал – двинул ему в глаз. Не то, чтобы он меня отпустил, но хватку на секунду ослабил. Не помню как, но я наполовину высвободился и мы сцепились на полу.

Дрались не на жихнь, а на смерть. В природе всегда так – быстрее бежит и лучше дерётся тот, чья жизнь в опасности. Хоть тут у меня было преимущество. Он хотел меня убить, я хотел выжить.

Опомнился тогда, когда он упал на пол. Я думал, он просто притворяется! Просто ждёт удобного момента. Я отполз в угол и схватил стул. Хотел ударить стулом если придётся. Но он не двигался. Помню, я всё стоял со стулом в руках, ждал и никак не мог отдышаться. А потом увидел, что глаза у человека раскрыты и смотрят так... бессмысленно.

Я испугался ещё больше, запаниковал. Потом осмотрел тело и увидел кровь на голове. Он ударился виском об угол спинки кровати. Или его толкнул я.

Не помню! Я просто не хотел умирать и делал всё что мог!

А теперь я был один среди ночи с трупом убитого мной никому не известного человека. Кто мне поверил бы, а?

Ну, а остальное... Разумеется, я не стал дожидаться милиции с понятыми. Вымыл с хлоркой всю квартиру, стёр отпечатки пальцев, а потом сложил свои завоёванные трофеи в пакет и покинул квартиру.

Я заслужил эти вещи – все книги, записки, дощечки! Это было теперь моё.

14

Я ненавидел эту квартиру – мерзкое вонючее жилище ненавистного жёлтого паука. Червя. Старого хорька. Не человека. Умертвия. Мумии. Его я ненавидел тоже. Я не хотел на него смотреть. Но смотрел.

Особенно неприятны были ноги – жёлтые, с серыми и розовыми болячками, с поражёнными грибок, потрескавшимися, толстыми ногтями. И простыни. Простыни, пожалуй, были ещё хуже, чем тело – тусклые пятна на ветхой ткани, оторванные и засаленные края...

Больной человек вызывает жалость, тем более, если он при этом глубокий старик. Я это понимал, и мне стыдно было, что не жалость я чувствую, а отвращение – грубое, примитивное отвращение, такое испытываешь, когда случайно раздавишь рукой жирное насекомое.

– Придушить бы его, сволочь! – старик напрягся, закашлялся и плюнул на простыню. – Ничего, недолго уже осталось... Самую малость, сынок, самую малость... Уж я отблагодарю, я... – он снова закашлялся.

Я смотрел и молчал.

– Ну, чего молчишь? Там на столике таблетки, подай-ка. Подай, а. Ах, ты, сукин сын.

Он поднял на меня слезящиеся глаза, облизал толстым языком губы и тяжело задышал.

Я не двигался.

– Чего ты хочешь? Чего тебе надо? Я заплачу, у меня есть.

– Хочу узнать.

Старик закричал, закашлял и тяжело повернулся к стене.

Я провёл с ним весь вечер. Мне было тяжело и тошно. Больше всего хотелось убежать. Мне казалось, что я провёл в комнате целый год. Я вызывал в памяти лица дорогих сердцу людей и, к своему ужасу, не мог их вспомнить в подробностях. Это было страшно – как будто старик со своей безобразной болезнью вытер мою память досуха и заполнил чем-то чужим и липким.

– Сукин сын. – сказал он ночью. – Подавись. Ну! Чего надо?

– Расскажи мне правду.

– Правду? Правда-то она того... кусается. Вот гляди, гляди на меня. Лучше я тебе про неё правду скажу. Она такая же, понял? Только хуже. Я хоть послать тебя могу. А она – только валялась годами, как старая гнилушка.

– Заткнись, ты!

– Правду ему! Гниль-то... её не выведешь ничем. Она, зараза, не только в теле. Вся отравлена, вся!

– Выведешь. – сказал я. – Можно всё что хочешь вывести. Было бы желание.

– Оно, конечно, может, и можно. – еле слышно пробормотал старик. – А что останется? Вот у меня ноги гнилые. А коли их отрезать? Никаких не будет. Вот и правда. Подай со стола-то!

Я не шевелился и молчал. Старика хотелось убить. Но я знал – он только того и ждёт, специально напрашивается.

– Ладно. Слушай сюда. – вдруг заговорщицки зашептал старик. – Нет ей места в жизни. Нет, понял? Не нужна она. Потому что не по правилам. Нарушает, значит. Не найдёшь её – пропадёт. А найдёшь – погубишь, да спасёшь. Не буди лиха, пока оно тихо.

– Где найти? – спросил я.

– Дай со стола-то! – заскулил старик. – Дай!

Но я по-прежнему стоял как истукан. Не потому, что не хотел давать ему лекарство, а потому что не имел право трогать вещи тут, в этом проклятом доме.

И тогда старик потянулся сам. Он всё тянул и тянул свою сухую, покрытую коростой руку, тянул и тянул, и она вытянулась как шланг – длинная, страшная, с шевелящимися птичьими пальцами.

Я онемел от ужаса.

– Не найдёшь её – пропадёт. А найдёшь – погубишь, да спасёшь. – бормотал старик, не раскрывая рта.

Мне хотелось кричать. И я бы закричал, да никак не получалось. Я, кажется, забыл – как.

– Погубишь... Погубишь...

Я хотел заорать во всю глотку, но издал тонкий щенячий писк.

Я резко проснулся, и сначала только и мог, что судорожно дышать, хватаясь за грудь. Господи! Приснится же такое! Уфф.

Я лежал на полу. Не на кровати и не на диване. Спина затекла, в голове шумело. За окном был божий день, но он, похоже, уже шёл на убыль. Я медленно приходил в себя. Голова работала плохо, я с трудом вспоминал подробности вчерашних посиделок. Где это Егор, интересно знать? Уехал или тоже дрыхнет где-нибудь под столом?

В прихожей раздался звонок, потом мамины шаги и голоса.

– И не мечтайте. – сказала мама сердито. – Никаких ему гулянок. Нагулялся уже. От души.

– Ну, тётя Марин! – затянул низким голосом Серёга. – Вы же нас сто лет знаете. У нас всё чинно, благородно.

– Вот именно. Знаю.

– Тёточка Мариночка. – вступил в разговор сладкоречивый Тимур. – Вы совершенно правы. Лично я вас очень понимаю. Но войдите в ситуацию. Мы же нарушим традицию.

– Тимурчик, солнце, ты мне сейчас ещё расскажи, что у вас традиция тридцать первого декабря в баню ходить!

– О, нет, тётя Марина, всё гораздо круче. Просто если вы не выпустите Геру, вы обидите Киру. А вы ведь любите Киру?

– И при чём тут твоя сестра? – насторожилась мама.

Тимур был мастер уговаривать, и она об этом прекрасно знала. Небось, смотрел ей сейчас прямо в глаза и кротко улыбался, зараза.

Тимур выдержал эффектную паузу.

– А у Киры помолвка. – произнёс он задушевным голосом.

– Господи! – воскликнула мама. – Кира! Когда успела?

– Ну, я пока не сказал «да», так что не будем загадывать.

Они рассмеялись. Я поднялся на ноги. Голова трещала. Мочевой пузырь угрожал лопнуть сию же минуту. Вышел в прихожую. Серёга первый заметил меня и его лицо вытянулось.

– Привет гуманоиду с планеты Плюк. – сказал он.

Я кивнул и пошёл в туалет.

– Красаавчик! – крикнул Тимур вдогонку. – Вылазь скорее, сфотаю.

Мама что-то проворчала. Я направился в ванную, посмотрел в зеркало и испугался. На меня смотрело жуткое сероватое лицо. Под глазами наметились синеватые мешки, белки глаз покраснели, волосы сбились в колтун. На мне были водолазка, трусы и почему-то один носок. В дверь пролез Тимур, оттолкнул меня и открыл кран, чтоб наполнить ванну.

– Значит так, братан. Лезь в водичку, приходи в себя. У нас мало времени с тобой чикаться, ещё в магазин надо. Серёга! Найди там ему что попримечнее! Рубашку что ли какую. Есть у тебя рубашки нормальные?

– Тимур, отвали. Я никуда с вами не поеду.

– А кто тебя спрашивает, придурка? Ты вообще радоваться должен – ухаживаем тут за тобой, как за высочеством.

– Не надо за мной ухаживать! Сказал, не поеду.

– Слушай, задолбал уже со своим депрессняком! Не поедет он... Куда ты денешься! Меня Кира реально убьёт, если тебя, гада, не приволоку.

– Я же заранее ей сказал. Не поеду я на вашу базу.

– А кто про базу говорит? Поедем на дачу к Вадимовым предкам. Они за границу свалили, всё расчудесно. Ёлка, ля-ля-ля, огоньки сверкают...

– Счас блевану.

– Раньше надо было думать. С начальником бухать, так нате пожалуйста, а как друзья зовут... Серёга, ты чего принёс? Убери нафиг этот отстой! Рубашка, говорю, нормальная есть? Тётя Марина!

– Уже ищу. Может чёрную, с выпускного?

Мне захотелось утопиться в ванной.

15

Через полчаса я сидел в машине Тимура, гладкий и чистый, как попа младенца.

Сначала мы поехали в супермаркет. Там творилось чёрт-те что – все просто с ума посходили. Как будто приближался не Новый год, а ядерная зима, и необходимо было срочно заполнить хранилища продовольствием.

От шума у меня разболелась голова. На кассе Серёга купил упаковку «антипохменлина» и тут же впихнул в меня пару таблеток.

Я рассеянно оглядывал наши покупки. Две тележки, ёшкин кот! Наша машина застрянет в снегах, и мы до весны будем жрать копчёную колбасу, сыр с дырочками, мандарины, свежие огурцы и сёмгу. И попивать коньяк-колу. Кошмар.

В машине на меня снова навалилась тоска. Я созерцал зимние сумерки, подпрыгивал на ухабах и вызывал в памяти светлые образы. Я хотел видеть хрустальное озеро, лыжную или, на худой конец, ужин за маленьким столом и огонёк в печке. Но мозг упорно посылал мне образ проклятого старика. Тот тянул ко мне паучьи лапы и шипел: «Погубишь... Погубишь...»

На Кире было длинное платье. На голове блестела мишура. Она вышла на снег в туфлях на высоких каблуках и сразу полезла в багажник.

– Всё привезли? А, привет, Луговой. Ты чего такой сплюснутый? Тимур, блин! Я тебе какую рыбу велела привезти? И вообще... вас только за смертью посылать.

– Вот так всегда. – картинно вздохнул Тимур. – Вадим! Забирай её отсюда, сами всё принесём.

Я огляделся кругом. Так и знал. Всё в духе Киры: бревенчатый домище, дымок из красной трубы, пушистый снежок, светодиодные шнуры по всему периметру. Сейчас повернусь, увижу надувного Дедушку Мороза, и меня стошнит. Повернулся и обречённо выдохнул. У дверей стоял здоровенный светящийся олень.

Народу было много, чего я и опасался. Каждой твари по паре. Трое нас-оболтусов, Кира с Вадимом, две Кирины подружки, Вадимова двоюродная сестра и двое Вадимовых друзей со своими девушками. Света не приехала, это значило, что они с Серёгой снова поссорились.

Я отнёс кучу пакетов девочкам на кухню и решил разобраться, где в этом замке находится туалет. Голоса под лестницей привлекли моё внимание.

– Он что, траванулся? – спросила Кира. – Совсем бледный, краше в гроб кладут. Да ещё чёрную рубашку надел. Что уж не маску Чумного Доктора?

– Ничего. – весело ответил Тимур. – В полутьме сойдёт за интересную бледность. Вы от такого тащитесь.

– Римма не польстится.

– Я ей водки в шампанское плесну – польстится, не горюй.

– Тимур, ты совсем больной?

– А я-то чё? Идея, между прочим, твоя была. Я сразу предупреждал.

У, я попал. За меня взялась Кира. Я потихоньку отступил обратно к кухне, свернул налево и бесшумно забрался по лестнице. На втором этаже были открыты все двери, кроме одной. Я подёргал её, и она отворилась. За дверью оказалась маленькая комнатка со столиком и диваном – наверное, гостевая. Я аккуратно прикрыл дверь и лёг на кожаный диван, намереваясь выиграть время и привести мысли в порядок. Старик, зараза, никак не желал от меня отвязываться.

До меня доносились шаги, голоса и смех. Кто-то грохнул посуду. Кто-то взвизгнул. Потом включили музыку. Скоро примутся меня искать. Я вытянулся на диване и притворился спящим. Какого чёрта меня сюда притащили? Чего всем от меня надо? Я хочу просто лежать и переваривать то, что услышал ночью, пусть даже это и приправлено глупыми стариками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.